

Ева

Автор:

Артуро Перес-Реверте

Ева

Артуро Перес-Реверте

Фалько #2

Март 1937 года. Гражданская война в Испании продолжается. С ней продолжаются и похождения Лоренсо Фалько.

Агента ждет новое задание – отправиться в Танжер, город, бурлящий шпионами, нелегальными торговцами и заговорщиками. Фалько нужно будет добраться до корабля, нагруженного золотом.

На пути героя встанут местные разведчики, республиканцы, русские и роковые женщины. В грязной и подлой войне никто не захочет уступить.

Артуро Перес-Реверте

Ева

© Богдановский А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Хорхе Фернандесу Диасу, головорезу из Буэнос-Айреса.

Братство и честь.

Помни – проникая в душу женщины, ты начинаешь опасное путешествие.

Ганс Гельмут Кирст «Зорге, которого мы не знали»

– Еще какое-нибудь оружие при вас имеется?

– Только мои руки. Но ни один таможенник на свете не возразит против этого.

Сомерсет Моэм «Эшенден, или Британский агент»

Роман основан на исторических событиях, но сюжет и все персонажи вымышлены. Следуя законам беллетристики, автор позволил себе изменить некоторые второстепенные исторические детали.

1. «Норддейчер Ллойд, Бремен»

Не хочу, чтобы меня убили сегодня вечером, подумал Лоренсо Фалько.

Тем более – так.

Однако перспектива погибнуть была вполне реальна. Шаги за спиной звучали все ближе, делались все торопливей. Несомненно, гнались за ним. Пять минут назад он услышал, как позади вскрикнул курьер, падая в темноту со смотровой площадки Санта-Лузия, как с высоты пятнадцати-двадцати метров его тело ударилось о мостовую неосвещенной улочки в квартале Алфама. Теперь преследовали самого Фалько – доделывали работу.

Дорога шла под уклон, позволяя прибавить ходу, но это же обстоятельство играло на руку преследователям. Их было двое: он заметил это, когда курьер – в тусклом свете далекого фонаря Фалько успел разглядеть лишь усы и надвинутую на глаза шляпу – протянул ему, как было условлено, конверт, а через минуту, увидев незнакомцев, подал сигнал тревоги. Они бросились в разные стороны: курьер – вдоль балюстрады смотровой площадки (оттого и попался преследователям первым), а Фалько – по улице, туда, где далеко внизу смутно мерцал огнями Лиссабон, раскинувшийся у подножия этого вознесенного над городом квартала, и где еще дальше под безлунным звездным небом сливалась с ночной тьмой широкая черная лента Тежу.

Путь отхода вел налево, в темноту. Готовясь к этой встрече, Фалько еще утром обследовал местность. Каждый профессионал свято соблюдает старое верное правило – прежде чем войти куда-нибудь, узнай, как оттуда выйти. Фалько вспомнил изразцовую табличку-азулежу на углу – «Калсадинья да Фигейра». На эту узенькую, круто уходящую вниз улочку вела каменная двухпролетная лестница с железными перилами. И Фалько, стремительно рванувшийся влево, схватился за них, чтобы не упасть в темноте, и слетел вниз. Улочка под прямым углом заворачивала направо и упиралась в арку – такую узкую, что двоим не разойтись.

Но шаги за спиной не стихали, а напротив – приближались. И звучали уже на первых ступенях лестницы. Сегодня я не умру, повторил про себя Фалько. У меня другие планы на вечер – с женщиной переспать, сигаретку выкурить, в ресторане посидеть. Что-то в этом роде. Так что лучше пусть помрет еще кто-нибудь. В этом пункте своих рассуждений он снял шляпу и достал из-под ленты спрятанное там лезвие «жиллетт» в бумажном конвертике. На ходу, уже возле самой арки, сорвал конвертик, вытащил из нагрудного кармана платок и, обернув им руку, зажал лезвие между большим и указательным пальцем. Заскочил в арку, там резко принял вправо, прижался к стене и замер, вслушиваясь сквозь гулкий стук крови в висках в нарастающий шум шагов.

Когда в просвете арки возник первый силуэт, Фалько проворно шагнул навстречу преследователю и справа налево чиркнул его по горлу. На темном пятне лица возникла на миг светлая полоска – это блеснули зубы в разинutom от неожиданности рте, и немедленно вслед за тем удивленный вскрик сменился предсмертным хрипом, и воздух, забулькав, вырвался наружу вместе с хлынувшей из перерезанной трахеи кровью. Тело сейчас же обмякло и мешковато осело, а потом распласталось по земле под аркой. Вторая тень,

двигавшаяся чуть позади, держа дистанцию, резко остановилась.

– Что ж ты застрял там, паскуда? – сказал Фалько. – Иди ко мне.

Три секунды неподвижности. Может быть, пять. Фалько и преследователь замерли, а лежавший на земле продолжал влажно похрипывать. Наконец его спутник решился и осторожно, медленно попятился.

– Ну, где же ты? – продолжал куражиться Фалько. – Не оставляй меня так, не покидай, я вся горю...

Шаги, удаляясь, застучали чаще по мостовой и потом вверх по лестнице, пока не смолкли совсем. Тогда Фалько, по-прежнему не трогаясь с места, перевел дух, дожидаясь, чтобы кровь перестала барабанить в висках. Потом, когда унялась легкая дрожь в пальцах, тщательно оттер с них липкую, еще теплую влагу и выбросил платок вместе с лезвием.

Он склонился, обшаривая тело наконец-то затихшего человека на мостовой – пристегнутый к поясу нож в чехле, табак, спички, пригоршня мелочи. Найденный во внутреннем кармане пиджака бумажник переложил к себе. Потом выпрямился и огляделся. Вокруг не было ни души, и почти все соседние дома тонули в темноте. Лишь из нескольких окон пробивались полосы света, да откуда-то звучало приглушенное расстоянием радио: женский голос пел фадо. Доносился отдаленный собачий лай. Черное небо, как и раньше, было усыпано таким множеством звезд, что казалось, будто над Лиссабоном висят полчища светлячков.

На миг он подумал, не поискать ли тело курьера, упавшего или сброшенного со смотровой площадки, но тотчас отогнал эту мысль. Ибо любопытство, как гласит старая поговорка, кошку сгубило. Жив ли курьер, слетевший с пятнадцатиметровой высоты, или – что вероятней – мертв, Фалько уже не касалось. Он знал лишь, что это португалец, по убеждениям или за деньги работавший на франкистов, и что его сообщение надо передать в генштаб, в Саламанку. Так что лучше не усложнять себе жизнь. На улице может появиться случайный прохожий, ночной сторож или местный житель, второй преследователь может по здравом размышлении двинуться по следам Фалько и расквитаться за убитого напарника. Тут ведь наперед не угадаешь. Ремесло Фалько непредсказуемо: он играет в шахматы риска и вероятностей. Тем паче

что конверт, ради которого и устроили эту ночную встречу, лежит у него в кармане. Ничем больше не интересен ему этот солдат, безымянный и безликий – Фалько и в самом деле не разглядел ничего, кроме усов, – участник грязной войны, которая идет и на полях Европы, и в тылах воюющих армий, но также и в таких вот темных и грязных закоулках заграницы, как эта улочка. Бойцы гнусной армии, столь годные для гнусного дела, за которое сражаются. Шпионы, столь же безликие, как этот республиканец, что с перерезанным горлом валяется под аркой, или его товарищ, благоразумно давший деру с места происхождения, дабы не разделить участь своего напарника. Пешки на шахматной доске, которые двигают другие.

Фалько, время от времени оборачиваясь и проверяя, не идет ли кто следом, спустился до улицы Сан-Педро. Правый висок дергало пульсирующей болью – можно не сомневаться, что подскочило давление, – и он машинально нащупал в кармане трубочку с кофе-аспирином: мигрени, от которых порой лежал пластом, теряя способность двигаться и соображать и дыша, как выброшенная на берег рыба, были его ахиллесовой пятой. Чем-нибудь бы запить таблетку, но, впрочем, это может подождать. Главное сейчас – уйти как можно дальше. И как можно скорее.

Он выбирал улицы пошире, чтобы избежать неожиданностей. Наконец оставил Алфаму позади и в мутноватом свете фонаря на улице Бакальеуруш, в сыром тумане, поднимавшемся от недалекой уже реки, достал из кармана конверт, разорвал по краю, заглянул внутрь. И удивился, увидев сложенную вдвое рекламную листовку пароходной компании «Норддейчер Ллойд, Бремен». И больше ничего. Четвертушку бумаги с текстом на одной стороне. Изображение трансатлантического лайнера, а под ним – список судов и расписание рейсов в Америку и в Восточное Средиземноморье. Он снова сунул листок в конверт, конверт – в карман и открыл бумажник убитого. Там было немного денег в португальских эскудо (их Фалько без колебаний переложил к себе), проездной билет на лиссабонский трамвай, фотокарточка молодой женщины, два удостоверения личности на разные имена, но с одинаковой фотографией, запечатлевшей худощавое лицо с черными, кудрявыми, редеющими волосами. Одно удостоверение – несомненно, поддельное – было на имя Жуана Нунеса, торгового агента. Другое, с грифом Службы военной разведки, с печатью Испанской республики, было выписано на имя Хуана Ортиса Идальго; его Фалько сунул себе в карман. Все прочее швырнул в мусорный бак и пошел прочь – быстро, но не торопливо, чтобы не привлекать к себе внимания.

Открывая дверь в «Мартиньо да Аркада» – маленькое кафе-ресторан с безыскусно выбеленными стенами, помещавшееся на первом этаже одного из домов на площади Комерсио, – Фалько заметил, что правая манжета у него выпачкана кровью. Вошел и, здороваясь с официантом, увидел в глубине зала, за крайним столиком у окна, Бриту Моуру, сидевшую спиной к нему. Он двинулся прямо в туалетную комнату, заперся, пустил воду и, сложив ладони ковшиком, запил наконец таблетку. Потом снял пиджак, расстегнул золотую запонку и принялся оттирать пятнышко на крахмальной манжете, куда оно почти не исчезло. Высушил ее полотенцем, застегнул, надел пиджак. «Патек Филипп» на левом запястье показывали, что он опаздывает уже на одиннадцать минут. Это было еще терпимо, и ожидавшая его женщина не должна была пока рассвирепеть. А если все же рассвирепеет, то ненадолго.

Ощупал внутренний карман, убеждаясь, что конверт на месте. Потом обстоятельно оглядел свое отражение, отыскивая еще какие-нибудь следы недавней схватки, однако из зеркала на него смотрел привлекательный мужчина тридцати шести лет: черные, блестящие от бриллиантина волосы зачесаны наверх, темный, идеально сшитый костюм. Он поправил и без того безупречный пробор, подтянул узел галстука. Тем временем его лицо теряло жесткость, приобретенную от многолетнего напряжения и опасностей, смягчалось, освещаясь ласково-насмешливой улыбкой, какой знающий себе цену мужчина, опаздывая на свидание, показывает, что наверняка сумеет оправдаться.

– Где тебя черти носят?! – возмущенно воскликнула женщина. – Полчаса торчу здесь одна, как дура последняя, жду тебя!

– Извини, пожалуйста, – ответил Фалько. – Задержался – срочное дело было.

– Нашел время для своих дел! А я сижу в этой дыре...

Фалько с безмятежной улыбкой обвел кафе взглядом:

– Чем тебе тут плохо?

– Да это харчевня какая-то!.. Могли бы найти что-нибудь поприличней... с музыкой...

– Мне нравится это заведение. Обслуга симпатичная.

– Что за чушь!

Брита Моура не привыкла, что мужчины опаздывают к ней на свидание. Темноволосая, с чувственным крупным ртом, с умопомрачительной фигурой, ради которой главным образом и заполнялся партер театра «Эдем» – шедшее там музыкальное ревю называлось «Не замужем и независима», – с накладными ресницами, с ярко покрашенными губами а la Джоан Кроуфорд, она, как и Фалько, зачесывала свою гриву кверху и скрепляла фиксатуаром, открывая лоб, и, казалось, сошла с рекламной афиши или страниц иллюстрированного еженедельника. Родившаяся двадцать семь лет назад в деревушке провинции Алентежу, Брита относилась к числу тех женщин, из-за которых молодые теряют голову, а старые – деньги. Она прошла тернистый путь, прежде чем достичь своего нынешнего положения звезды, и без колебаний потрошила тех, кому посчастливилось подойти к ней достаточно близко. Фалько, однако, был ее слабостью. Они познакомились пять недель назад в эшторильском казино у стола, где играли в рулетку, и с тех пор время от времени встречались.

– Ну, чего бы тебе хотелось? – с полнейшей естественностью осведомился Фалько, изучая меню.

Она капризно сморщила носик – злость еще не прошла:

– Мне вообще уже ничего не хочется.

– Я, пожалуй, закажу треску на углях... Вина выпьешь?

– Ты бесчувственная скотина.

– Вовсе нет. Я просто проголодался. – Официант невозмутимо ждал. – Давай тебе тоже закажем рыбу?

Фалько говорил неправду: он совершенно не проголодался, но этот обыденный обеденный обряд помогал ему успокоиться. Заслониться банальной болтовней с красивой женщиной. Это приводило в порядок его мысли, проясняло намерения, отгоняло свежие воспоминания.

– Тогда какой-нибудь легкий супчик, – сказала Брита. – Я и так растолстела.

– Что ты такое говоришь?! Ты в идеальной форме.

– Правда?

– Не сомневайся. Ты – само совершенство.

Лицо ее смягчилось. Она ощупала свои бедра:

– А эти... из журнала «Илуштрасан» уверяют, будто я отяжелела.

Фалько лучезарно улыбнулся. Вытащил черепаховый портсигар и предложил Брите сигарету.

– А эти, из журнала «Илуштрасан», – просто идиоты.

Брита наклонилась над столом, потянулась сигаретой к огоньку серебряной зажигалки «Паркер-Бикон».

– Смотри, ты где-то намочил рукав, – сказала она.

– Да, – Фалько закурил сам. – Забрызгал, когда руки мыл.

– Вот недотепа...

– Что есть, то есть.

Они курили в ожидании заказа. Мигрень у Фалько прошла. Брита говорила о своей работе, о том, какие прекрасные сборы делает ее ревю, о контракте на участие в новом спектакле, который поставят через два месяца. О предложении сняться в кино. Фалько внимал ей заинтересованно и сердечно, постоянно глядя в глаза и всем своим видом показывая, что ловит каждое ее слово, вовремя, словно по сценарию – а в сущности, так оно и было, – подавая уместные реплики

и задавая нужные вопросы. В числе твоих самых гнусных дарований, сказал ему однажды адмирал, – умение слушать так, будто от того, что ты услышишь, зависит твое будущее и сама жизнь. И нет на свете ничего важнее. А когда жертва раскусит трюк, будет поздно – уже сперли бумажник или всадили клинок в пах. А если женщина – затащили в постель.

– Куда двинем отсюда? – поинтересовалась Брита.

– Не думал еще об этом.

Фалько не соврал. Голова его была занята другим – мыслями о конверте в кармане, о погибшем связнике, о республиканском агенте и его сбежавшем напарнике, который сейчас, наверно, уже ввел начальство в курс дела. О том, что предпримет лиссабонская полиция. О проспекте «Норддейчер Ллойд, Бремен» и об отношении перечисленных там судов к точным данным, которые надлежит сперва расшифровать, а потом передать в Национальную информационно-оперативную службу. В сущности, можно особенно не торопиться, сеанс связи назначен на завтра, но даже красота женщины, сидевшей напротив, не могла унять обуявшее Фалько беспокойство. Что-то в содержимом этого конверта и в том, что случилось полчаса назад в Алфаме, было не то... Не то, чем хотело казаться. Концы с концами не сходились, и Фалько знал, что не успокоится, пока их не сведет.

– Еще налить?

Он наклонил горлышко бутылки к ее бокалу. Улыбка Бриты показала, что последние тучки рассеялись. Лед растаял. Все в порядке.

– Спасибо, любимый.

В порядке-то в порядке, но Фалько уже несколько раз с ней переспал. Четыре раза, если быть точным: один в отеле «Паласио до Эшторил» и три – в ее роскошной квартире на проезде Салитре. Он не ждал какой-то ошеломительной новизны, кроме очередного, пусть недолгого обладания этим великолепным телом, которое, хоть хозяйка его и не отличалась особой изобретательностью или богатым воображением, легко, обильно и, можно сказать, отзывчиво отворяло все свои сокровенные шлюзы. И значит, речь о том, стоит ли ради двух-трех приятных часов возвращаться, подняв воротник пиджака, сунув руки в

карманы, в отель на рассвете, когда дворники уже начнут поливать мостовые: Фалько не любил рисковать, ночуя в чужих квартирах. Вот, значит, какое возникает неудобство. Да и вообще перспектива – не из самых лучезарных.

– Можем пойти потанцевать, – предложила она. – В Байро-Алто. Возле Тавареса открылся новый дансинг, его очень хвалят... Играет негритянский джаз-банд.

– Что же, давай туда.

Брита снова подалась вперед. Облокотилась о стол, задержав на весу испачканную помадой сигарету. Объемистая грудь касалась скатерти – женщина была одновременно изысканна и вульгарна.

– Угадай, что у меня там... внизу.

Она многообещающе улыбалась. Фалько с уctивым любопытством рассматривал ее лиловое креповое платье от Баленсиаги. Когда они виделись в последний раз, она уже шутила насчет нижнего белья, так что ответ подразумевался сам собой.

– Черный шелк?

– Ничего. – Она понизила голос. – На мне ничего нет.

– Уточни, пожалуйста, – улыбнулся Фалько.

– Ничего – значит ничего, глупый. Совсем ничего.

– Совсем-совсем?

– Именно. Ни рубашки, ни трусиков.

– Ах-х.

Он смог убедиться в этом через час, когда они танцевали в новом джаз-клубе и он оглаживал бедра Бриты Моура. В самом деле, ничего не было между тканью

платья и телом, движения которого – чувственные сообразно обстоятельствам – в должной мере вдохновили Фалько, позволив отвлечься от профессиональных тревог, занимавших его. Может быть, и в самом деле, заключил он, это неплохая идея – провести сколько-то времени в ее квартире, все расставить по местам без особых затей – как говорится, ай, здравствуй и прощай – в приятном обмене микробами. В конце концов, ночь долгая, конверт лежит в кармане, а в Саламанке, где в эту пору уже спят – святое дело национального спасения все настойчивей внедряло в среду новых испанцев нормы благопристойной умеренности, – и не ждут от него донесения раньше следующего утра. К тому же у него будет весомое алиби, если португальская полиция начнет раскапывать происшествие на Алфаме.

– Мне ужасно нравится здесь, – повторила Брита.

Заведение называлось «Бандит» и было в Лиссабоне в большой моде. Официанты усердно сновали меж столиками, разнося лед, бокалы шампанского, стаканы с виски, коктейли с невозможными названиями. Оркестр, состоявший из чернокожих американцев – или тех, кто прикидывался таковыми, – играл в глубине зала на небольшой эстраде, и взмокшая от пота толпа танцующих, где преобладали вечерние туалеты и смокинги, казалось, вот-вот захлестнет и ее; и все были бесконечно, как-то почти демонстративно чужды тому, что в нескольких сотнях километров отсюда, по другую сторону границы, жестокая война заполняет дороги беженцами, тюрьмы – несчастными, а траншеи, обочины дорог и задворки кладбищ – трупами. Со злобно-насмешливой гримасой Фалько, вдруг на мгновение вспомнив, как встречали последний перед войной новый год – сам он с подругой танцевал в гриль-руме мадридского отеля «Палас», – спросил себя: сколько тех, кто бросал тогда ленточки серпантина и чокался под звон курантов за новый, 1936-й год, уже погибли или вот-вот погибнут?

– О господи, опять... – сказала Брита. – Не оборачивайся. Здесь этот болван Мануэл Лоуриньо.

Фалько тем не менее обернулся. За столиком среди друзей сидел загорелый красавец в смокинге. Все смеялись и пили.

– А-а, это здешняя звезда, дамский любимец?

– Он самый... Вы знакомы?

– Вроде бы...

– Он играет в водное поло, время от времени упоминается в светской хронике...

– А-а. Ну так и что с того?

– Это настоящий кошмар. У нас с ним была история – совсем коротенькая, но он принял это все чересчур близко к сердцу и не оставляет меня в покое... Помимо прочего, он еще и женат.

– Я тоже, – пошутил Фалько.

Брита вонзила ногти ему в руки.

– Врун противный! Да кому в голову взбредет связаться с таким повесой!

Они направились к своему столику. Лоуриньо заметил их и уже не сводил глаз с Бриты. Фалько вытащил из ведерка со льдом бутылку «Боллинже» и обнаружил, что она почти пуста.

– Заказать еще?

– Нет, не стоит... – Брита открыла сумочку и стала пудриться. – Как только увижу его, мне уже вообще ничего не хочется.

– Так-таки и ничего?

Она захлопнула пудреницу и устремила на него взгляд женщины, уверенной в своем моральном превосходстве:

– Ты совсем дурачок или как?

Фалько посмотрел на часы. Потом руки его вспомнили ощущение ее тела под тканью платья.

– Ну что – мы уходим?

– И поскорей, пока этот идиот не испортил нам вечер.

Фалько подозвал официанта и расплатился, прибавив щедрые чаевые. Брита поднялась. В тот же миг встал и Мануэл Лоуриньо – он оказался высок и крепок – и направился к ним. Брита прошла вперед, не удостоив его взглядом. В отличие от Фалько, который чуть было на ходу не подмигнул ему в том смысле, что «не унывай, приятель, сегодня я, а завтра ты», но все же сдержался, потому что ему не понравилось, как смотрит на него португалец. А смотрел он так свирепо, будто во всем винил Фалько.

– Эй, – раздалось у него за спиной.

Запахло перегаром хорошего английского виски, а в перспективе – большими неприятностями. Фалько замедлил шаги, обернулся. Лоуриньо был почти на полголовы выше его.

– Слушаю вас, друг мой.

– Я тебе не друг, – процедил тот. – И я разобью тебе рожу.

Фалько вздохнул, покоряясь судьбе. И едва ли не примирительно.

– Вы меня, право, пугаете, – сказал он.

И двинулся следом за удалявшейся Бритой. В гардеробе получили ее пальто и его шляпу – сам Фалько был без верхней одежды – и вышли на улицу. Напротив подъезда стояли два такси и три фиакра. Фалько уже хотел было попросить швейцара, чтобы подозвал извозчика, но тут не столько услышал, сколько почувствовал за спиной шаги. Обернулся и в свете фонаря над входом увидел Лоуриньо.

– Ты даже не поздоровалась со мной, Брита.

Ах, чтоб тебя, подумал Фалько. Только этого не хватало сегодня вечером.

– Не желаю с тобой здороваться, – ответила она.

– Это неучтиво с твоей стороны.

– Оставь меня в покое.

Она крепче вцепилась в руку Фалько. В правую. Но он предусмотрительно высвободился.

– Я несколько раз тебе звонил, – настойчиво продолжал Лоуриньо.

– Мне много кто звонит.

Фиакр уже стоял у тротуара – швейцар расстарался. Но Лоуриньо опередил Бриту и ее спутника и преградил им путь.

– С-сука, – будто выплюнул он.

Фалько поморщился. Это, конечно, уже чересчур.

– Позвольте пройти, – сказал он, намереваясь проводить Бриту к экипажу.

– Он назвал меня сукой! – скандально воскликнула та. – Ты смолчишь?

– Садись в коляску. Едем.

Но тут опять вмешался Лоуриньо. Он стоял перед ними, опустив и чуть разведя руки, как готовый к схватке борец.

– Я тебя убью, – сказал он Фалько.

Тот тяжело вздохнул и выпустил руку Бриты. Твердо взглянул в нависавшее над ним лицо противника и проговорил раздельно:

– Ты в своей жизни еще никого не убил.

То ли тон, то ли выражение лица. То ли взгляд. Но в глазах Лоуриньо мелькнуло сначала удивление, потом осознание, потом опасение. Он отступил на шаг. Что-

то он здесь не предусмотрел, и затуманенный алкоголем мозг пытался постичь – что же именно? Но продолжались его раздумья всего две секунды: больше времени Фалько ему не дал, сделав шаг вперед – тот самый, что уступил ему португалец, и с улыбкой широко раскинул руки, словно для дружеского объятия, устраняющего любые недоразумения. И одновременно, не переставая улыбаться – улыбка притупляет бдительность противника, – ударил его коленом в пах, отчего Лоуриньо сложился вдвое от неожиданности, а потом от боли. Тем не менее Фалько знал, что настоящее сокрушительное действие удары такого рода оказывают лишь через секунды три-четыре, а потому срезал путь к победе, ткнув португальца локтем в лицо. Тот упал на колени и со всхлипом втянул воздух, одну руку держа перед глазами, другой зажимая пах.

Фалько обернулся к швейцару и протянул ему сложенную вдвое купюру.

– Вы подтвердите, что этому сеньору стало нехорошо, – сказал он очень спокойно. – Потерял равновесие и упал. Вы ведь видели, не правда ли?

Швейцар прятал бумажку в карман своей тужурки с галунами. До этого он был возмущен до глубины души, но теперь улыбался от уха до уха:

– Святая правда, сударь!

Фалько в ответ послал ему заговорщицкую улыбку. Улыбку того, кто неколебимо убежден в жестокости, глупости и жадности двуногих тварей земных.

– Немного перебрал виски.

– Совершенно верно.

За окнами еще была ночь. В щель между неплотно задернутыми шторами проникал свет – на фасаде дома напротив горела неоновая реклама портвейна «Сандеман». Фалько в наброшенном на голое тело халате Бриты Моура сидел в кресле и курил, рассматривая спящую женщину. Радиаторы поддерживали приятное тепло, и Брита спала крепким сном, отбросив одеяло. Фалько слышал ее глубокое и ровное дыхание. Она лежала на спине, разметавшись, в позе, которая для всякой другой, не такой красивой женщины, не с таким точеным

телом показалась бы вульгарной. Слабый свет, словно просеянный сквозь лиловатую кисею, обрисовывал его великолепный рельеф, что-то выделяя, что-то оставляя в тени. Под темной порослью лобка открывалась меж раскинутых бедер головокружительно влекущая лощина. Прежде чем подняться с кровати и закурить, Фалько мягко погрузил в нее пальцы правой руки и извлек их наружу увлажненными его собственной спермой.

Он холодно размышлял о человеке, которого убил на Алфаме. Размышлял – в силу привычки и по профессиональной необходимости – о веществах текучих и жидких. О том, как булькает воздух, смешиваясь с кровью, хлынувшей из рассеченного горла. О том, с какой ужасающей легкостью опорожняется человеческое тело, с какой необратимой стремительностью выплескиваются из него пять с лишним литров крови – и унять этот поток, зажав рану, затампонировав ее, стянув жгутом из подручных средств, не получится. И в очередной раз спросил себя, как удастся выживать всем, кто пытается жить, не обращая внимания на это – на тот непреложный факт, что одним взмахом клинка, перехватывающего глотку, можно превратить великолепное тело женщины, спящей в нескольких шагах отсюда, в окровавленную мясную тушу.

Он раздавил в пепельнице недокуренную сигарету и поднялся, потирая ноющую поясницу, – Брита Моура, надо ей отдать должное, была женщина энергичная. Очень энергичная. Завязав пояс халата, босиком дошлепал по паркету к стулу, на спинке которого висел его пиджак. Вытащил из кармана конверт и пошел в ванную, зажег свет. Мгновение разглядывал в зеркале квадратный подбородок, где за ночь уже проступила щетина, черные растрепанные волосы, упавшие на лоб, серые жесткие глаза с еще расширенными зрачками – Брита часа два назад угостила его кокаином. Во рту было сухо и гадко.

Он пустил воду, с жадностью сделал большой глоток и после этого достал из конверта проспект «Норддейчер Ллойд, Бремен». Восемью часов не прошло, как два человека уже поплатились жизнью за этот документ – на первый взгляд такой малозначимый. Довольно долго и очень тщательно Фалько изучал названия судов и расписание маршрутов, но так и не заметил какой-то особой отметки или значка. Потом поднес к носу и понюхал бумагу. Результат исследования вызвал у него улыбку.

Взяв подсвечник со свечой и коробок спичек, аккуратно положил листок на стеклянную полочку и принялся плавно водить под нею зажженной свечой. Пламя медленно нагревало бумагу через стекло и не сжигало. Наконец,

примерно через полминуты, сначала розовато-охристыми черточками, а потом отчетливыми крупными буквами, выведенными лимонным соком, или мочой, или другой бесцветной жидкостью, на полях печатного текста проступили слова:

«Маунт-Касл», капитан Кирос.

Судовая компания «Норенья и Ко»,

Картахена – Одесса, четверг 9-е.

В 9:15 утра щуплый низкорослый черноусый человечек в коричневом полосатом костюме (пиджак был немного великоват) вошел, не сняв шляпу, в стеклянную дверь, ведущую в ресторан отеля «Авенида Палас». Переговорил с метрдотелем, обвел зал пытливым взглядом и направился туда, где неподалеку от окна с видом на площадь Рестаурадорес за столиком под большой хрустальной люстрой, разложив на скатерти газеты «Секуло» и «Жорнал де Нотисиас», сидел Фалько.

– Какой сюрприз, – отодвигая их, сказал он при виде вошедшего.

Тот, не отвечая, взглянул на заголовок – «Интенсивные бомбардировки Мадрида», потом перевел взгляд на Фалько и лишь после этого снял шляпу и положил на стол. Голое загорелое темя. Отросшая щетина на щеках и подбородке. Усталый вид.

– Умеешь ты устроиться со вкусом, – сказал он, усевшись наконец за стол и оглядевшись. – Номера по сто двадцать эскудо в сутки?

– По сто сорок.

Собеседник кивнул, принимая это как должное.

– Кофе бы мне, а... – проговорил он вяло. – Всю ночь не спал.

Фалько подозвал официанта. Сам он в отличие от новоприбывшего, приняв в номере душ и побрившись в гостиничной парикмахерской, а предварительно сделав, как каждое утро, тридцать отжиманий от пола, выглядел свежо. Зачесанные назад волосы, безупречный пробор, свинцового цвета костюм-тройка от «Андерсон & Шеппард», как гласила этикетка на подкладке пиджака, шелковый галстук. Серые глаза спокойно всматривались в собеседника – капитана Васко Алмейду из грозной ПИДЕ – португальской тайной полиции. Они были давно знакомы. А дружили или, вернее, приятельствовали с тех времен, когда Фалько, работая на Василия Захарова, занимался контрабандой оружия, в том числе и через лиссабонский порт: деревянные ящики без маркировки, значившиеся в накладных как промышленное оборудование, грузились и сгружались в этом угрюмом мире порталых кранов, пакгаузов, закоулков с выщербленными изразцами по стенам, моряцких кабаков, пароходов, пришвартованных у причалов, которые тянулись от Алкантары к самой Каиш-ду-Содре. «Живи и жить давай другим» – так формулировался здешний принцип. Алмейда и Фалько несколько раз вместе обтяпывали темные делишки, полюбовно делясь секретными сведениями, взятками и прибылями. Португалия, как любил повторять капитан, страна маленькая и бедная. Платят там мало.

– Два трупа. В Алфаме.

Он смотрел не на Фалько, а на дымящийся серебряный кофейник, который официант только что поставил на стол.

– Один испанец, другой наш, – добавил Алмейда после первого глотка.

Фалько промолчал. Он сидел, чинно, одними запястьями опираясь о ребро стола, на котором стояли тарелка со скромными остатками поджаренного тоста с маслом и стакан из-под молока – кофе давно уже исчез из его рациона. Сидел и ждал. Наконец Алмейда, еще раз два раздумчиво отхлебнув из чашки, вытер усы и поднял глаза на собеседника:

– Скажи-ка, друг мой, где ты был вчера вечером?

Фалько выдержал его взгляд. И слегка вздернул брови, демонстрируя искреннее удивление:

– Ужинал.

– А потом?

– В кабаре сидел.

– Один?

– Нет.

Алмейда очень медленно кивнул с таким видом, словно услышал именно то, что ожидал. Провел ладонью по небритому лицу.

– Испанец и португалец, – повторил он резко. – Первого зарезали, как кабанчика.

– И?..

– Документы все забрали, но вскоре его опознал человек из посольства. Погибший был республиканским агентом. А второй, португалец, сверзился с большой высоты. То ли сам упал, то ли помогли. Некий Алвес. Служил в транспортной компании на улице Комерсио.

– А мне-то зачем об этом рассказываешь?

– Алвес работал на твоих.

Фалько захлопал глазами:

– Каких «моих»?

– Дурака не валяй.

Последовала пауза. Долгая. Алмейда мелкими глоточками допивал свой кофе. Потом взял сигарету из пачки, протянутой Фалько. Тот обладал довольно редким даром – возобновлять дружеские отношения с того самого места, где они были прерваны сколько-то месяцев или лет назад... Мимолетно улыбнуться, похлопать по руке или плечу, припомнить бывшее... С Алмейдой достаточно было просто покурить вместе.

– И ты можешь доказать, что вчера вечером был не один? – спросил капитан, выпуская дым.

– Конечно.

– И кто с тобой был? Мужчина или женщина?

– Женщина.

– Известная?

– Довольно-таки, – Фалько улыбнулся. – А потому буду тебе очень признателен, если обойдешься без огласки.

– Тогда скажи, где вы были.

– Сначала в «Мартиньо да Аркада», потом в «Бандите».

– А потом?

– Потом у нее дома. Почти четыре часа.

– И где же это?

– Да почти там же. Проезд Салитре, рядом с отелем «Тиволи».

Алмейда минуту осмыслял услышанное.

– А ты знал этого испанца? Ортис его звали.

– В глаза не видал.

– А португальца?

– Еще того меньше.

– Ты хоть признался ей в любви? – глумливо улыбнулся капитан. – Не рекомендуется проводить ночь с женщиной, которая может подтвердить твоё алиби, не сказав ей несколько раз: «Я люблю тебя».

– Ничего, с этой можно.

– Тебе неизменно везет...

– Это бесспорно.

Они поглядели друг другу в глаза, как смотрели, бывало, за партией бильярда в кафе «Шаве д’Оуро» в более спокойные времена. Потом Фалько показал на газеты:

– «Бенфика» выиграла у «Спортинга».

– И что с того?

– Разве ты не болеешь за «Бенфику»?

Они опять помолчали, разглядывая друг друга.

– Сколько мы с тобой знакомы? – сказал наконец Алмейда. – Шесть лет?

– Восемь.

– Бывало, что я тебя вытаскивал из неприятных историй.

– А я – тебя.

– Всему свой предел положен.

– Не знаю, где намерен остановиться ты.

– Убитые сильно осложняют жизнь.

– Пусть полиция ими занимается. Это не твоя печаль, Васко.

– Да нет, как раз моя, если речь идет об иностранных агентах, о португальских гражданах, разбившихся всмятку, и об испанских шпионах с перерезанной от уха до уха глоткой. Понимаешь? Начальство требует результатов. И тут уж ни друзья, ни приятели не в счет.

– Но ведь ваш Салазар симпатизирует националистам.

Алмейда устремил на него свирепый взгляд. Наверно, подумал Фалько, так смотрел неистовый антикоммунист Васко Алмейда на тех, кого допрашивал, а из них, по слухам, каждый десятый либо погибал от пыток, либо вдруг выбрасывался в окно. Потом португалец мрачно огляделся по сторонам.

– После ночных событий видал я нашего Салазара... сказать – где? – проговорил он, понизив голос.

Он сделал паузу и так глубоко затянулся сигаретой, что сжег ее едва ли не наполовину.

– Кроме того, – прибавил он, – мое правительство не признает твое.

Фалько бровью не повел и не шевельнулся, глядя на него с дружелюбным вниманием.

– От меня-то что хочешь?

– Гражданская война за то, чтоб изменить цвет знамени, – жуткая война. Вы, испанцы, уже всех допекли своей сварой. Мед с бритвы лижете.

– Я тут вроде один, – улыбнулся Фалько. – О чем, собственно, речь?

– О красных и о фашистах. – Капитан со вздохом взглянул на сигарету, досадуя, словно кто-то оспаривал очевидное. – Португальцев дрючить больше не можете, так взялись друг за друга. А не дрючить, видно, нельзя.

– Ты так и не сказал, чему я обязан честью видеть тебя за завтраком. В твоём прекрасном Лиссабоне.

Алмейда скривил губы:

– Ты ведь не в отпуск сюда пожаловал.

– Нет, по делам, знаешь ли. Импорт-экспорт.

– Ну, разумеется... – Алмейда раздавил окурок в пустой чашке. – Расскажи ещё кому.

– Докажи.

– Я ведь могу тебя задержать. Устроить тебе веселую жизнь. И тебе, и женщине, с которой ты якобы провел ночь. Так что не нарывайся.

– И чего добьешься? Только того, что мы раздружимся.

Капитан утомленно вздохнул:

– Вот не люблю, когда меня считают идиотом...

– Да я и не думал...

Алмейда вскинул руку, не давая перебить себя.

– Я не имею ничего против того, – проговорил он сухо, – чтобы вы, испанцы, выпускали кишки друг другу по ту сторону границы или чтобы в лиссабонском порту контрабандой получали оружие от немцев и итальянцев, пока платите кому следует... До поры до времени ПИДЕ это не касается. Но сводить свои счета у нас не позволим. И гадить здесь не дадим.

Фалько позволил себе проявить легкое нетерпение:

– Слушай... Зря ты затеял этот разговор... Я не имею никакого касательства к тому, что случилось в Алфаме, если речь об этом.

– Я уверен – кое-что ты все же знаешь. Дай кончик ниточки – и я размотаю весь клубок. Хотя что-нибудь, хоть малую малость... И мы разойдемся с миром.

– Если ты о внедренных агентах Франко, то это не я. Клянусь, что об этом я – ни сном ни духом...

– Да неужели?

– Ноль информации. Ровный круглый нолик.

– Дай честное слово.

– Бери.

Алмейда несколько секунд пристально рассматривал его. Потом расхохотался:

– Сукин ты сын!

2. Золото республики

Две недели спустя, в Севилье, Фалько допил вторую порцию вермута, взглянул на часы, оставил на столике пять песет – бар в отеле «Андалусия Палас» был очень дорогой, – взял с соседнего стула свою шляпу и поднялся. Седовласый официант почтительно наблюдал за его манипуляциями.

– Сдачи не надо.

– Премного благодарен, сеньор.

– И – «да здравствует Испания!».

Официант взглянул на него в растерянности, силясь понять, провокация это или просто шутка. Посетитель по виду никак не принадлежал к тем, кто ходил по городу с портупеей через плечо и кобурой на боку, в голубой рубашке или в красном берете, брал под козырек или вскидывал руку в фалангистском приветствии. Глаз у официанта был наметанный: этот импозантный господин в элегантном коричневом костюме, в шелковом галстуке, с платочком, торчащим из верхнего кармана, никак не вписывался в образ современного патриота.

– Ну, да, разумеется, да здравствует... – осторожно, с легкой запинкой отозвался он.

Должно быть, он видел, как арестовывают или расстреливают на месте тех, кто оказался неосторожен. Пуганая ворона, подумал Фалько, куста боится. И при виде такого благоразумия спросил себя, какая же, наверно, невероятная классовая ненависть скопилась под белой курткой этого пожилого официанта, столько лет подававшего вермут молодым севильским хлыщам. И не потому ли восемь месяцев назад, после военного мятежа, он сохранил работу и жизнь, что вовремя разорвал свой профсоюзный билет и благоразумно кричал «ура!» победившей стороне. Может быть, даже на кого-то донес, поскольку это был самый простой способ обезопасить себя в этом городе, где националисты особо свирепствовали в рабочих кварталах и в кругах республиканцев: с 18 июля было расстреляно три тысячи человек. И Фалько никак не удавалось отделаться от этой мысли, и всякий раз, встречая выжившего (откуда бы и кем бы он ни был), спрашивал себя, какую именно гнусность совершил тот, чтобы уцелеть.

Он улыбнулся официанту, как сообщнику, поправил узел галстука и вдоль красивых изразцовых стен двинулся к вестибюлю через центральный двор, в окна которого щедро лились потоки солнечного света. И он окутал Фалько, и вдохнул в него какую-то радость жизни. Впрочем, Севилья неизменно грела ему душу смесью прошлого, настоящего и будущего. Он прибыл сюда только сегодня утром, подчиняясь телеграмме адмирала, выдернувшей его из Лиссабона: «Спешно завершите начатое. Срочно требуется ваше присутствие Саламанке». Однако проведя целый день в машине и примчавшись в Саламанку, Фалько узнал от Марили Грангер, секретарши адмирала, что неотложные дела вызвали того в Севилью. Сказал, что встретится с тобой там, добавила Марили. И как можно скорей. Велел остановиться в отеле «Инглатерра» и ждать указаний.

– А зачем, не знаешь? – спросил Фалько.

– Понятия не имею. Сообщат, когда шеф сочтет нужным.

Фалько послал Марили свою лучшую улыбку – и без малейшего отклика. Адмиральская секретарша, образцовая жена и мать, миловидная, хоть и бесцветная, была замужем за морским офицером, поднявшим с националистами мятеж на «Ферроле», и ко всему, что не касалось неукоснительного исполнения долга – патриотического, служебного и супружеского, оставалась совершенно нечувствительна. Даже чары Фалько на нее не действовали. А точнее, именно к нему она была подчеркнута безразлична.

– И ты мне ничего не расскажешь? – допытывался он.

– Ни словечка, – она продолжала стучать по клавишам пишущей машинки, словно не замечая его. – А теперь убирайся и не мешай мне работать.

– Послушай... Когда же мы пойдем пить чай с пирожными?

– Если не забудешь позвать моего мужа – как только захочешь.

– Злючка-колючка.

– А ты прощелыга.

– Горько мне слышать такое, Марили.

– Да что ты говоришь?

– Я безобидней плюшевого мишки.

– Другим вкручивай.

...Когда Фалько прибыл в Севилью, отель «Ингландерра», где на фасаде еще виднелись отметины прошлогодних уличных боев, был переполнен постояльцами. Мест не было ни в «Мажестике», ни в «Кристине». И воспользовавшись этим, он остановился в «Андалусия Палас», самом дорогом и роскошном в городе: здесь за номер брали 120 песет в сутки, а клиентуру составляли высшие офицеры франкистской армии, германского легиона

«Кондор» и итальянских добровольческих частей, воевавших на стороне националистов, крупные бизнесмены – среди них было много немцев, интересующихся железной рудой и вольфрамом, – а также люди, связанные с местной олигархией.

В конце концов, его расходы оплачивает НИОС, и адмирал (особенно если будет в духе) его прикроет. «Забыли, с кем дело имеете? – скажет он, как не раз уж бывало, начальнику финансовой службы – щуплому, близорукому и неподкупному лейтенанту Домингесу, когда тот в очередной раз начнет возмущенно потрясать пачкой счетов. – Его ж, пижона, хлебом не корми, только дай повыпендриваться, пыль в глаза пустить. Но в своем деле – он гений! Величина! А мне главное – эффективность! А этот прохвост эффективен, как наточенная и направленная бритва, наделенная разумом! А потому будем считать, что предоставляем ему беспроцентный безвозвратный кредит, или, говоря вашим языком, субвенцию. И прошу вас, лейтенант, смените выражение лица и не делайте вид, что оглохли! А если даже так – читайте по губам! Это мой приказ».

Фалько улыбался, вспоминая адмирала, куда шел к лестнице из вестибюля, где небрежно кивнул портю, которого подкармливал щедрыми чаевыми, не в последнюю очередь и потому, что тот был осведомителем Фаланги. Он уже спускался по ступеням парадного входа, как вдруг лицом к лицу столкнулся с парой, которая только что вылезла из «линкольна-зефир» и теперь шла ему навстречу.

Почти машинально он сперва обратил внимание на женщину, оглядывая ее снизу вверх: отличного качества туфли... стройные ноги в шелковых чулках... дорогая сумочка... темное платье, прекрасно сидевшее на статном теле. Нитка бирюзы на шее. И вот наконец из-под узких полей шляпки с фазаньим перышком на него с удивлением взглянули зеленые глаза Чески Прието.

– Доброе утро, – благожелательно-нейтральным тоном произнес Фалько, прикоснувшись к собственной шляпе.

И собрался уж, не останавливаясь, идти дальше, как заметил, что кавалер – он был в военной форме – обратил внимание на глубокую растерянность своей дамы. Тогда Фалько взгляделся повнимательней и узнал Пепина Горгеля Менендеса де ла Вегу, мужа Чески. Это меняло дело.

– Какой сюрприз.

Фалько снял шляпу и уверенно принял затянутую в душистую лайку руку женщины. Потом обернулся к мужу и представился:

– Лоренсо Фалько. Мы, кажется, встречались с вами.

Он учтиво улыбался. Это была лучшая его улыбка из арсенала адюльтерного лицемерия, хотя в данном случае плод был еще так зелен, что снимать урожай предстояло не скоро. Пепин Горгель, поколебавшись минуту, кивнул и без особой приветливости протянул руку.

– Не помню.

Сказано было сухо и высокомерно, в свойственной этому господину манере. Граф де ла Мигалота, испанский гранд, вспомнил Фалько. Родом из Хереса, как и он сам: их родители владели на паях одним и тем же казино и стрелковым клубом. Человек влиятельный. Надменный мерзавец в мундире, под ручку прогуливающий по Севилье заветный трофей – супругу. До войны Фалько пересекался с ним то в клубах фламенко, то в казино, то в дорогих борделях и знал, что Горгель – распущенный, порочный и жестокий богач – совершенно не заслуживает женщину, которую сейчас ведет под руку. Бог даст, утешил себя Фалько, кто-нибудь всадит ему пулю в лоб, если война продлится еще немного. Бац – и все. Регуларес – это ударные части, пушечное мясо. Ческе исключительно пойдет траур, подумал он и по-мальчишески возбудился, представив, как будет раздевать ее, как вслед за рубашкой темного шелка стянет черные чулки с длинных стройных ног. И эта цепочка с крестиком в ложбинке меж грудей... Черт побери, чего там валандаются красные – палят много да все без толку, олухи. Мазилы.

– Я учился в колледже вместе с вашим братом Хайме, – сказал Фалько. – А с вами как-то раз встретились в Мадриде, в ресторане «Ор-Компон». И потом еще в Чикоте.

– Вполне возможно.

Горгель, укрывшись за своим лаконизмом, как за бруствером окопа, с подозрением рассматривал Фалько. Наверняка до него доходили слухи о связи

Чески с этим красавчиком, у которого улыбка – хоть сейчас на рекламу зубной пасты «Марфиль». Горгель был очень высок ростом, худощав, с элегантными манерами, носил усы, кокетливо подстриженные, как у Кларка Гейбла.

Загорелое лицо, нашивка с тремя капитанскими звездочками на груди, фуражка с красным околышем, мундир зеленовато-защитного цвета и высокие сапоги, начищенные до такого ослепительного блеска, что казались антрацитовыми.

«Будь с ней поосторожней, – еще в Саламанке предупреждал Фалько адмирал, имея в виду Ческу. – Дамочка очень разборчивая: любовников у ней мало и все – птицы высокого полета. Это кое о чем говорит в нашей нынешней католической Испании, где так трясутся над приличиями и даже развод почитают смертным грехом. Кроме того, муж при пистолете, так что умерь свою склонность утешать томящихся в разлуке офицерских жен. Это может тебе выйти боком или еще откуда-нибудь».

– Имел честь познакомиться с вашей супругой в Саламанке, – спокойно произнес Фалько, краем глаза перехватив ее предостерегающий взгляд. – Меня представил ей ваш брат Хайме. Как он, кстати, поживает?

Лицо Горгеля немного смягчилось. Жив-здоров, ответил он. По крайней мере, если судить по его последним письмам. Его перевели из-под Мадрида в окрестности Теруэля.

– А вы? – осведомился Фалько. – В отпуске сейчас?

– Мне дали неделю по семейным делам. После Харамы.

Фалько заинтересованно вздернул бровь. В Хараме произошло едва ли не самое кровопролитное сражение этой войны. Добровольцам из коммунистических интербригад под началом испанских офицеров противостояли мавры-регуларес, вынесшие основную тяжесть боев. Потери были огромны.

– Вы были под Харамой?

Горгель с непомерной заносчивостью дернул усом:

– Был.

– И что же – там в самом деле так ужасно, как об этом пишут газеты?

– Может, еще и похуже.

– Вот как... Рад, что вы можете рассказать об этом.

– Спасибо. – Искра недоверия мелькнула в глазах Горгеля. – Я вижу, вы в штатском... Вы что – не в армии?

Фалько почувствовал на себе взгляд Чески.

– Нет, я другими делами занят... Бизнесом.

Недоверчивость сменилась неприязнью.

– Да уж вижу.

– Импорт-экспорт... – Фалько намеренно подпустил цинизма. – Продукция самого высокого спроса и всякое такое... Поверьте, не только в окопах защищают Испанию от моровой язвы марксизма.

– Понимаю.

Горгель источал презрение такой густоты, что оно казалось физически ощутимым. Он удовлетворенно повернулся к жене, как бы говоря: «Видишь, каков?» Это означало, что испытание пройдено, и Фалько решил, что теперь может смотреть на женщину с более естественным видом. Светлые глаза заскользили по ней, всматриваясь оценивающе, но осторожно, однако она уже полностью овладела собой. Выдержка Фалько дала ей для этого достаточно времени, и все внешние приличия были соблюдены. Еще он отметил как некую особенность, что Ческа, хоть между ними явно уже существовало нечто серьезное, демонстрирует технически безупречную холодность. Женщина – тем более замужняя, – которая должна скрывать серьезное чувство, ведет себя, как правило, хладнокровней, чем та, кому надо маскировать невинное увлечение. И потому Фалько наградил Ческу одобрительным взглядом и еще одной улыбкой.

– Поздравляю вас, – сказал он. – Вы можете гордиться своим мужем.

– Я и горжусь.

И с этими словами сильнее сжала руку Горгеля. Если бы не сплетни о ее любовниках, цинично подумал Фалько, меня бы тронула такая супружеская близость. Воин и его надушенный трофей. Не выходя за границы приличий, Фалько с удовольствием обвел быстрым взглядом смуглое породистое лицо. От Чески, как и в прошлый раз, пахло «Амоком», и губы были ярко накрашены. Все так же ошеломительно хороша, подумал он, испытывая от этого почти физическое страдание. Как же некстати случился тут этот Пепин. По счастливой случайности встретиться с Ческой в Севилье – и нарваться на мужа... Она совсем близко – и совершенно недоступна. Несколько месяцев назад протянулась между ними какая-то ниточка, но продолжения не последовало. Впрочем, жизнь вертится почище всякой карусели.

Отведя наконец глаза от Чески, он встретил задумчивый взгляд Пепина Горгеля. Тот сумрачно рассматривал его, будто недоумевая, зачем они втроем стоят тут на середине лестницы в отеле «Андалусия Палас». Пора убираться, подумал Фалько.

– Рад был вас видеть, – сказал он и надел шляпу.

Улица Сьерпес бурлила. Витрины обувных, шляпных, ювелирных магазинов, лавок с литографиями и фигурками святых были так изобильны, словно жизнь в городе текла по прежнему руслу. Разница чувствовалась лишь в том, что в толпе стало больше людей в военной форме, чаще встречались женщины в трауре и мужчины с креповыми повязками на рукаве, да еще в том, что перед плетеными креслами вместо прежних чистильщиков обуви – средних лет цыганистых севильянцев с мозолистыми руками – теперь возле своих ящиков с гуталином стояли на коленях мальчишки. Причина была проста: их отцы и дядья лежали в земле или сидели по тюрьмам с тех пор, как legionеры генерала Кейпо де Льяно[1 - Гонсало Кейпо де Льяно (1875–1951) – испанский генерал, один из организаторов и руководителей восстания 1936 г. – Здесь и далее прим. переводчика.] предали огню и мечу квартал Триана на другом берегу Гвадалквивира – последний оплот Республики, оказавший вооруженное сопротивление мятежу 18 июля. Минуло почти восемь месяцев, но и сейчас каждое утро на кладбище Сан-Фернандо и у стен арабской крепости Макарена гремят залпы расстрельных команд. Гремят и будут греметь. Как написано было

на первой полосе газеты «АБС» (Фалько перелистывал ее в ожидании завтрака): ампутировать пораженную часть тела, чтобы спасти весь организм, – мера болезненная, но необходимая. Что-то в этом роде.

Фалько вошел в «Сиркуло Меркантиль» и, миновав гостиную, где пахло кофе, коньяком и навоощенным деревом паркета и где несколько элегантных членов клуба беседовали о ценах на пшеницу, а другие играли в домино или читали газеты, проследовал в указанный ему швейцаром маленький салон с развешанными по стенам рыцарскими доспехами и ржавыми рапирами. Из мебели здесь были только старинный стол красного дерева и несколько кожаных кресел, два из которых были заняты.

– Опаздываешь, – буркнул адмирал.

Шеф НИОС был, как всегда, в штатском; на столе перед ним лежал старый, толстой кожи портфель. Фалько, немного отогнув манжету, взглянул на часы. Он только на две минуты не поспел к сроку.

– Виноват, – сказал он.

Из-под седых усов донеслось нечленораздельное ворчание. Адмирал вытащил из кармана пакет табаку и трубку и принялся ее набивать, но прежде показал черенком на того, кто сидел по другую сторону стола.

– Узнаешь? Полагаю, видел на фотографиях.

Фалько кивнул. Трудно было не узнать этого господина средних лет, с редкими волосами, в круглых роговых очках, одетого в элегантный двубортный костюм – темно-синий, в тонкую полоску, который Фалько, завсегдатай лондонских ателье на Сэвил-Роу, поместил в разряд запредельно дорогих. Под узлом лимонного галстука золотая булавка скрепляла углы воротничка.

– Кажется, узнаю.

Адмирал в третий раз заурчал – теперь уже как-то по-кабаны. Сегодня, подумал Фалько, он особенно не расположен к любезностям.

– Кажется? Креститься надо, когда кажется! Теряешь навык!

Не вставая и не протягивая руку, тот, о ком шла речь, рассматривал Фалько с холодным любопытством. От него вообще веяло чем-то ледяным, и даже самая его элегантность казалась будто подмороженной. Из-за толстых стекол глаза смотрели пронизывающе и спокойно. Так смотрят люди, уверенные в себе и в том, что могут купить все, что потребуется или захочется. Фалько видел фотографии этого человека в газетах, в светской хронике иллюстрированных журналов, а однажды, еще до революции, – рядом с королем Альфонсом XIII в репортаже, посвященном не то автомобильным гонкам, не то скачкам или бегам. Но вживую и вблизи – никогда, и потому даже немного смутился, хотя никак это не обнаружил.

– Томас Ферриоль, – сказал он.

Адмирал продолжал набивать трубку и проговорил, не поднимая головы:

– Ответ правильный. Теперь забудь это имя и садись.

Фалько, гадая, что все это значит, повиновался. Томас Ферриоль, ни больше ни меньше. Ультрароялист, наживший колоссальные деньги благодаря фальшивым банкротствам и контрабанде в огромных размерах, пират в белом воротничке, наделенный британской сдержанностью и тевтонским хладнокровием, был главным спонсором мятежников. Это он арендовал самолет «Драгон Рапид» и нанял английского пилота, который 18 июля доставил с Канарских островов в Тетуан генерала Франко, взявшего командование над взбунтовавшимися в Марокко войсками. Это он за миллион фунтов стерлингов купил в Италии двенадцать самолетов «Савойя», это он сделал так, что пять танкеров, зафрахтованных одной из его фирм и нагруженных горючим для государственной компании «Кампса», изменили курс в Средиземном море и направились в зону, которую контролировали мятежники. По-прежнему держась в тени, Томас Ферриоль был официальным банкиром националистской Испании.

– Вот он – человек, о котором я вам говорил в Саламанке.

Адмирал обращался к Ферриолу. Оба теперь смотрели на Фалько.

– И вы, помнится, сказали, что ему можно доверять.

– Всецело, хоть он не без причуд.

– И что вы ручаетесь за его действенность.

– В полной мере.

– И что у него обширные связи.

– Весьма обширные... Он не из тех, кто будет жалостно скрестись в дверь. Таких много развелось в последнее время. – Адмирал критически оглядывал Фалько, словно говорил обидные для него слова. – Зовет по именам всех швейцаров, барменов и крупье в лучших отелях и казино Европы и Восточного Средиземноморья. Из хорошей, как говорится, семьи, хоть и отбившийся от рук.

– А-а, я знаю этот тип.

Наступило молчание. Потом Ферриоль слегка кивнул, и адмирал положил так и не раскуренную трубку на стол, открыл портфель и достал оттуда несколько картонных папок. Сунул Фалько чистый лист бумаги.

– Сюда можешь записывать, что сочтешь нужным, но без имен, дат и адресов. Потом вернешь мне. Выносить отсюда ничего нельзя.

– Ладно.

– Я предпочел бы услышать «Так точно!». А то сеньор Ферриоль решит, что ты меня в грош не ставишь.

Фалько улыбнулся:

– Так точно, господин адмирал.

– Когда в последний раз был в Танжере?

– Два с лишним года назад. Зимой тридцать четвертого.

Адмирал сделал вид, что вспоминает. Свет в гостиной падал так, что глаза – вставной и настоящий – казались разного цвета.

– По нашим делам?

– Да. – Фалько с сомнением покосился на Ферриоля, но адмирал кивнул, разрешая говорить. – По делу Коллинза.

– А-а, помню-помню.

Помнил и Фалько. Поезд из Сеуты в Тетуан, одиннадцать дней томительной скуки, когда он валялся на кровати в отеле «Регина», ожидая приказ отправляться в Танжер и ликвидировать там британского инженера, затеявшего двойную игру. И продававшего республиканские военные секреты нацистской Германии. Дело, впрочем, решилось благополучно для всех, кроме инженера.

– А раньше бывал? – допытывался адмирал.

– Бывал. Несколько раз.

– Город хорошо знаешь?

– Прилично.

– Связи остались?

– По всей видимости...

– А поточней?

– Не могу, господин адмирал. При всем моем... Это мои контакты и это – хорошие контакты.

Адмирал снова взял трубку, достал из кармана коробок, откинулся на спинку, чиркнул спичкой и поднес огонек к чашечке. Все эти действия призваны были скрыть, что он доволен ответом. Потом, выпустив несколько клубов дыма,

взглянул на Томаса Ферриоля, как бы предоставляя слово ему. Финансист во все время этого диалога сидел молча и неподвижно и не сводил глаз с Фалько, которому стало не по себе от такого пристального взгляда. Взгляда рыбы в аквариуме. Точнее – акулы.

– Вам известна история с золотом из Банка Испании?

Фалько удивленно заморгал. Это был неожиданный вопрос.

– Известно то же, что и всем.

– А что известно всем?

– Что республиканское правительство в конце прошлого года отправило в Россию свой золотой запас, чтобы он, во-первых, не попал в руки франкистов, если Мадрид сдадут, а во-вторых, в обеспечение военных поставок. По крайней мере, так говорили.

– Верно говорили.

Фалько чуть скривился:

– Я рад за русских.

Ему не понравилось, как сухо и безразлично собеседник воспринял эту реплику. Зато адмирал метнул в него убийственный взгляд:

– Нам плевать, что тебя тут радует или печалит! Понял?

Трубка яростно пыхнула дымом.

– Изволь извиниться!

– Виноват. Прошу извинить.

За стеклами очков Ферриоль сверкнула искорка – диалог явно позабавил его. Фалько обратил внимание, какие у него тонкие и бледные губы. Будь он женщиной, подумалось ему, я бы с такой целоваться не стал.

– Золото несколькими партиями в строжайшей тайне под сильной охраной отправляли с начала сентября. Небольшую часть доставили самолетом во французские банки... А почти все остальное – десять тысяч ящиков с золотом в слитках и в старинных монетах – сложили в пороховых складах в Альгамеке, под Картахеной, а там перегрузили на русские корабли, отплывшие в Черное море.

Фалько с видом первого ученика поднял руку:

– Можно спросить?

– Разумеется, можно, – отозвался Ферриоль.

– Только по делу! – добавил адмирал.

– О каком количестве золота мы говорим?

Ферриоль увлеченно рассматривал свои ногти.

– По нашим подсчетам, от шестисот до семисот тонн самое малое.

– И сколько же это потянет по нынешнему курсу?

– Больше двух миллиардов песет.

– Ого! – восхитился Фалько. – Сталину теперь будет на что водки себе купить.

Ферриоль обернулся к адмиралу, изобразив улыбку столь ледяную, что ее и улыбкой назвать было трудно:

– Он у вас всегда такой наглый?

– У него есть достоинства, уравновешивающие этот порок.

– Вы меня успокоили. И какие же?

Адмирал на миг задумался.

– Обаяние. Второе главное свойство его натуры.

– А первое какое?

– Верность.

– Кому?

– Самому себе. И мне.

– Именно в таком порядке?

– В таком... Но обе уживаются в нем мирно.

Пауза. Облачко дыма и негромкое причмокивание адмирала, посасывающего трубку. Казалось, что Ферриоль молча сопоставляет верность, дерзость и действенность, но по его бесстрастному лицу не угадать было, к какому выводу он придет.

– Вернемся к золоту, – предложил адмирал.

– Не все золото пошло в Россию, – сказал финансист, снова обращаясь к Фалько. – Нам известно, что пятая часть отправлена в Марсель, где ляжет на счета как Республики, так и частных лиц. В частности – министра финансов Негрина и некоего Прието, который приходится сыном главе морского ведомства... Как видите, кое-кто подстелил себе соломки на тот случай, если все рухнет.

– «Если есть икорка – не черства и корка», – с безразличным видом заметил Фалько.

– И даже после этого, – продолжал Ферриоль, – в Альгамеке остается весьма порядочный куш. По самым скромным подсчетам – тонн тридцать. Недурно.

Фалько достал из внутреннего кармана вечное перо «Шиффер» в яшмовом корпусе. Отвинтил колпачок и быстро произвел подсчет на лежавшем перед ним листке.

– Сто миллионов, – объявил он.

– Да, в песетах, – подтвердил финансист. – Или около четырех миллионов фунтов стерлингов.

– Немало. И до сих пор лежат в Альгамеке?

– Нет.

Опять повисла пауза. На этот раз Ферриоль взглянул на адмирала.

– Десять дней назад, – сказал тот, – ночью, соблюдая все меры секретности, эти последние ящики погрузили на борт торгового судна.

– Русского? – поинтересовался Фалько.

– Испанского.

– А позволено ли будет узнать, что это за судно?

– «Маунт-Касл», – правый глаз заискрился насмешкой. – Тебе это о чем-нибудь говорит?

Фалько вспомнил симпатические чернила на проспекте «Норддейчер Ллойд, Бремен». Зарезанного им человека и сброшенного с балюстрады португальца. Мир тесен, подумалось ему.

– Первоначально – английское, – сказал Ферриоль. – Я сам успел зафрахтовать его незадолго до войны.

Теперь «Маунт-Касл» действует в интересах Республики, пояснил адмирал. Ходит под панамским флагом, принадлежит какой-то астурийской компании и долгое время дурачил франкистов, пытавшихся перерезать морские пути. Просто какой-то «Летучий Голландец». НИОС насчитала за ним несколько рейсов с оружием и боеприпасами между Валенсией, Барселоной, Одессой, Ораном и Марселем. До сих пор ему неизменно удавалось ускользнуть и от надводного флота франкистов, и от итальянских субмарин, помогавших им в Средиземном море.

– Экипаж испанский?

– Скорей всего. По крайней мере, бо?льшая его часть.

– Вооружение?

– Легкое.

– А это точно, что он везет золото?

– Точно. Но на этот раз он пойдет не в СССР. Обстоятельства заставили его двинуться противоположным курсом – к Гибралтарскому проливу.

«Маунт-Касл», объяснил адмирал, вышел из Картахены под конвоем республиканского миноносца «Лепанто», однако красный флот, которым после того, как перебили всех офицеров, командуют кочегары и комендоры, как боевая сила гроша ломаного не стоит. С этими словами адмирал раскрыл папку и вытащил оттуда уменьшенную копию морской карты.

– Он прошел вдоль побережья до мыса Гата, а там взял курс на Алжир. Мы полагаем, намерен держаться во французских территориальных водах и идти на восток.

Фалько рассматривал карту, разложенную на столе. Вот Гибралтарский пролив. Узкий клин – в самой своей широкой части не больше пятнадцати километров. Гибралтар и Танжер были обведены красным карандашом.

– И чего же его понесло в противоположном направлении?

– Наткнулся на наш корабль. И тут ему перестало везти.

Уже ближе к ночи «Мартин Альварес», один из двух миноносцев, имеющих в составе франкистского флота, заметил сухогруз с проводимым восточней Альборана. Начался скоротечный бой, «Лепанто» получил два попадания и предпочел благоразумно улепетнуть. Однако все же дал «Маунт-Касл» время и возможность уйти к западу. На следующий день тот решил выдать себя за англичанина, поднял «Юнион Джек» и лег на прежний курс, однако миноносец, патрулировавший зону, в обман не дался и отрезал «Маунт-Касл» путь в Гибралтар, куда тот попытался юркнуть. Пользуясь темнотой, сухогруз дал полный ход и все же ускользнул.

– Так они всю ночь играли в «кошки-мышки», продвигаясь все западней, а на рассвете «купец», видя, что деваться некуда, зашел в Танжер.

– А Танжер – город с международным статусом, – добавил Ферриоль.

– И это самое главное, – подтвердил адмирал. – Ни вашим, ни нашим.

Фалько быстро оценивал ситуацию. Довольно деликатную. Танжер держит нейтралитет, там ничего нельзя предпринять, пока «Маунт-Касл» вновь не выйдет в открытое море. Убежище – и одновременно ловушка. Мышеловка.

– И сейчас он в Танжере?

– Да. Стоит в порту. А миноносец караулит его на выходе из гавани. И уж конечно, удрать ему больше не даст. Я знаю командира – это капитан второго ранга Антонио Навиа. Моряк старой школы, к сантиментам не склонен, цепкий и умелый.

– Сколько времени красный сможет провести там?

– Идет перетягивание каната, – сказал Ферриоль. – Кто кого переупрямит. Они требуют, чтобы им дали гарантии или конвой и позволили выйти. Мы заявляем, что судно и груз принадлежат нам на правах законной добычи. Так что пусть добром отдадут ее нам прямо в порту, или мы дождемся выхода и возьмем силой.

– Есть еще вариант, – добавил адмирал. – «Маунт-Касл» интернируют и после победы в войне – вернут. Но победы придется подождать малость.

Он вытащил изо рта трубку и ткнул мундштуком в красную линию, окружавшую Танжер на карте.

– А ты войдешь отсюда.

Слишком давно Фалько знал адмирала, чтобы не заметить, какое удовольствие тому доставляет все это – финансист, ситуация и нагловато-почтительный тон, которым к нему обращается его подчиненный. Этот непринужденный стиль общения, принятый в Группе Грязных Дел как неписанный закон, должен был шокировать людей посторонних и непричастных. Фалько по глазам адмирала понял его замысел: «Я-то не могу себе позволить дурачества с этим субъектом, а вот у тебя есть простор для маневра. Небольшой, но есть».

– Я плохо разбираюсь в кораблях и в морском праве.

Адмирал молча извлек из портфеля конверт и какую-то книгу и по столу подтолкнул их к Фалько. В конверте лежало триста фунтов стерлингов в дорожных чеках. Книга называлась «Судно как объект международного права». Конверт Фалько спрятал в карман, взглянул на заглавие книги и с большим апломбом вскинул глаза на адмирала:

– Вы ведь знаете, что меня отчислили из Морской академии?

Адмирал не моргнул глазом (единственным):

– Выперли с позором.

– Да.

Ферриоль пытливо взглянул на адмирала:

– Мне только не известна истинная причина.

– Я соблазнил жену преподавателя, – сказал Фалько.

– Вот как?

– Под покровом ночи и с заранее обдуманым намерением.

– Да что вы говорите?

– А потом еще дал оплеуху мужу прямо на лекции.

– Быть не может.

– Может, не может, однако ж было. – Окутанный клубами дыма адмирал без утайки поделился подробностями его биографии. – Вы не смотрите, что он такой скромник, – этот элегантный красавчик запросто продаст инвалидное кресло своей обезножевшей матушки.

Ферриоль теперь всматривался в лицо Фалько с бо?льшим интересом.

– Какие бездны тут разверзаются, подумать только... – заметил он.

Адмирал отчетливо исполнил финальную полуверонику:

– Господь иногда пишет ровно даже по кривым строчкам.

– Даже так?

– А вы не знали?

– Теперь буду знать. Хочу только напомнить, что на карту поставлено очень многое. И генштаб каудильо...

– Мы поручаем это дело самому достойному, – безапелляционно прервал его адмирал.

Понять подоплеку было нетрудно. Ферриоль близок к генералу Франко, поставившему своего брата Николаса во главе всех спецслужб, включая НИОС,

которой руководит адмирал. Теперь понятно, откуда ветер дует. Каудильо, вечно нуждающемуся в финансировании, очень хочется заполучить золото Республики. Не говоря уж о мощном пропагандистском эффекте, на него можно закупить много германских и итальянских самолетов, танков и орудий.

– Мой человек, – адмирал показал черенком трубки на Фалько, – точен, как швейцарские часы. А в случае надобности – смертоносен, как коса.

Финансист хохотнул коротко и сухо. И холод этого смешка был под стать выражению его лица.

– Верю вам.

Он пристально смотрел в глаза Фалько. Смотрел пронизывающе. Редко-редко опускались и поднимались веки за толстыми стеклами очков. Ферриоль явно привык оценивать людей. И покупать их, не переплачивая.

– Опасный субъект, – раздумчиво подвел он итог своим наблюдениям.

Адмирал поддержал этот вывод.

– В мирное время очень неудобен, – сказал он. – Зато для нынешнего подходит как нельзя лучше.

Фалько переводил глаза с одного на другого, словно следил за теннисной партией, где мячиком служил сам. Его это стало раздражать, и он поднял руку:

– Можно мне высказаться по этому вопросу?

– Нет, нельзя, – словно закрыв скобки, адмирал вновь стал серьезен. – Твое мнение никого не... э-э... не интересует. Сейчас не до него.

Фалько подобрался в кресле.

– Как бы то ни было, настаиваю – морская дипломатия мне не по зубам.

– Это мне решать, что по зубам, а что по шее. Не забудь, что пока ты – мой подчиненный в звании капитан-лейтенанта.

– Номинально.

– А это мне безразлично. Ты – флотский офицер и носишь знаки различия, пусть даже фальшивые, а форму надеваешь раз в год. Именно это тебя кормит. Понял?

– Ну да.

– Не слышу!

– Так точно, господин адмирал, понял!

– В любом случае, – заметил Ферриоль, – операция в Танжере будет скорее сухопутная, нежели морская... Это будет неким сочетанием кнута и пряника. Левая рука не будет знать, что творит правая... – бескровные губы дрогнули в крайне неприятной улыбке. – Поначалу косить никого не придется.

Фалько пожал плечами. Взглянул на книгу, лежавшую перед ним на столе.

– И чего же от меня ждут?

– Тебе коротенько изложить или в подробностях? – спросил адмирал.

– Самую суть, если можно, а то у нас и так эмоций через край.

– А суть такова: надо съездить в Танжер и взять эти тридцать тонн золота.

Фалько некоторое время посидел с открытым ртом.

– Прямо вот так взять – и взять? И привезти? – наконец спросил он.

– Прямо ли, криво – это уж на твое усмотрение.

В дверях кинотеатра «Салон Империяль» афиши возвещали о премьере «Танго Бара» с Карлосом Гарделем и «Пути на Каир» с Мигелем Лихеро. На улице Сьерпес пахло кофе с молоком. На террасах завтракали военные и штатские, а у журнального киоска мальчишки выкрикивали названия газет и последние сводки с фронта: националисты после взятия Малаги и сражения под Харамой укрепили свои позиции... и т. д. «Наша авиация господствует в воздухе на бискайском участке фронта», – гласил один заголовок. «Красные вандалы разрушают церкви и уничтожают произведения искусства», – кричал другой. Война идет вширь и вглубь, подумал Фалько. Распрощавшись с Ферриолем, они с адмиралом неторопливо шагали в густой толпе. Под мышкой Фалько держал книгу о морском праве.

– Для Ферриоля это личное дело, – говорил адмирал. – Он следит за «Маунт-Касл» очень внимательно, как и за всем, что имеет отношение к финансам. На днях у нас тут было совещание на высоком уровне... Каудильо сейчас в Севилье, а мы – как бы в его свите.

– Много ль народу знает про Танжер?

– На совещании присутствовали Николас Франко, Ферриоль, Лисардо Керальт и я.

При упоминании последнего имени Фалько замутило. Полковник Гражданской гвардии, давний знакомец. Он уставился на мостовую у себя под ногами и гадливо скривился.

– Наш пострел и тут поспел?

– Пospел. – Адмирал взглянул на него искоса. – После той истории в Саламанке ваши дорожки не пересекались?

– Нет.

Они остановились у витрины филателиста. Адмирал наклонился, наметанным, хоть и единственным глазом рассматривая выставленные марки. Одна привлекла его внимание.

– Гляди-ка... Мальтийская, десятишиллинговая...

– У вас нет такой?

– Нет.

– Разрешите вам подарить. Один раз живем.

– Да ты сбрендил, что ли? Не дури! Видишь, сколько она стоит?! Сейчас не время.

И, еще немного поглядев на витрину, поднял голову.

– Тебе лучше бы не переходить дорогу Керальту. И тем, что он умом не блещет, не надо обманываться... Он никогда не простит, что ты вырвал у него из когтей эту русскую. И ухлопал при этом троих его людей.

– Ничего такого не было, сеньор.

Адмирал отвернулся от витрины, и они двинулись дальше.

– Я не расположен сейчас к шуткам, сынок.

– А я не понимаю, о чем вы говорите, – Фалько беспечно поднес руку к полям шляпы. – Ей-богу, в толк не возьму.

– От души надеюсь, что, когда Керальт возьмет тебя за одно место и не спеша приступит к расспросам в подвале, ты будешь стоять на своем, даже валяясь на полу, – едко сказал адмирал.

– Это мое дело.

– Ну да. Хочешь сказать – меня не касается. Или почти не касается. Я ведь хорошо тебя знаю. Слишком хорошо. Лучше, чем надо бы.

С этими словами он снова остановился, на этот раз – у витрины книжной лавки, и рассеянно повел глазом по переплетам. С безразличным видом взглянул и Фалько. Он не слишком любил серьезную литературу. И отдавал явное предпочтение детективам и печатавшимся в иллюстрированных журналах романам с продолжением о международных авантюристках Марго и Эдит с непокорными челками. И лишь изредка – обычно в длительных поездках, чтобы убить время, – брался за Бласко-Ибаньеса или Сомерсета Моэма, да и то – скорее отдавая дань приличиям. И все на этом.

– На самом деле, – сказал адмирал, продолжая рассматривать корешки, – Керальт предпочел бы осуществить эту операцию своими силами, но у Николаса Франко были сомнения на его счет. Мне удалось сыграть на этом. Но пришлось пообещать Ферриолю, что поручу это дело моему лучшему агенту. То есть тебе.

– Маленький мальчик мамочке мил[2 - В оригинале – «Mi tata me mima» (исп.), «Мамочка меня нежит», фраза, с которой в Испании начинают обучение письму, аналог «Мама мыла раму».]

– Не верь, я блефовал. Ты же знаешь – я к этому склонен.

– Все равно! Родной отец не сделал бы для меня больше!

– Пошел к черту.

На Кампане перед баром «Тропикаль» гремела воинственная медь оркестра, игравшего «Мою кобылку», и народ, собравшись в кружок, внимал. Прошел мимо трамвай с огромным плакатом, рекламирующим инсектицид «Флит»: «Освободим Испанию от всякой нечисти!» – гласила патриотическая надпись на борту.

– И как же воспринял это Керальт?

Адмирал почесал усы:

– Как обычно. Крайне неодобрительно. Разозлился до ужаса. Мы должны теперь держать ухо востро, потому что эта скотина трехрогая способна сорвать нам операцию – лишь бы только насолить конкурентам. По этой причине Ферриоль и

хотел увидаться с тобой утром.

– И сфотографироваться на память.

– Конечно. А еще – увидеть, кого распинать на кресте, если затея провалится.

– Пару гвоздиков он прибережет для вас.

– Можешь не сомневаться. А Керальт будет забивать. – Адмирал мрачно фыркнул. – Тут все клеветают, стучат, интригуют и строят козни... Этак мы войну не выиграем.

– На той стороне все еще хуже... Социалисты, коммунисты, анархисты поедом друг друга едят.

– Да уж, мы друг друга стоим... А в выигрыше останутся русские. Республика, где каждый мнит себя ее отцом, а заодно и матерью... Нет, либералом можно быть только в Англии, а республиканцем – в Швеции. Если у нас тут разыгрывается драма, то у красных – типичный водевиль. Сайнета из-под пера Арничеса[3 - Сайнета – одноактное драматическое произведение с малым числом персонажей, как правило, «легкого жанра», который можно определить как «музыкальный скетч». Карлос Арничес (1863–1943) был признанным мастером этого жанра.].

– Зато они расстреливают направо и налево. Без разбору. Мы, по крайней мере, священников даем для спасения души, а уж потом к стенке ставим.

– Границы не переходи, – адмирал взглянул на него свирепо. – Язык прикуси.

– Слушаюсь.

– У меня вот где уже шуточки твои. До самых до печенок достали.

– Прошу принять, господин адмирал, мое искреннее сочувствие.

– Сочувствием сыт не будешь. – Адмирал достал из жилетного кармана часы. – Пригласи-ка меня лучше на аперитив, самое время. Не жмись!

– Когда это я отказывался?! – запротестовал Фалько.

– Я тебе хорошо плачу, так отчего бы по крайней мере не поставить начальнику бокал мансанильи?

– При всем уважении, господин адмирал, на аперитивы вы тратите меньше, чем русские – на закон божий.

– Не вижу связи.

– Это была метафора.

– Засунь себе свои метафоры... знаешь куда?

– Есть засунуть!

– Мне скоро в отставку, а ты еще молод. – Адмирал рассмеялся сквозь зубы. – И потом, очень вероятно, ты в отставку не выйдешь. Тебя пристукнут раньше.

– Не согласен, господин адмирал! Постараюсь не допустить.

– Да все стараются, однако же... сам видишь.

Сказавши это, адмирал фальцетом спел:

А житуха у бандита – не житуха, брат, а мед:

Делу – время, час – попойкам, по чужим ночует койкам,

Тянет срок второй и третий и в тюремном лазарете Богу душу отдает.

– Я глубоко тронут вашим душевным участием, – сказал Фалько. – Повторяю: вы не начальник мне, а отец родной!

Адмирал в ответ на это зашелся глумливым хохотком:

– Давай-давай, приглашай-угощай. Это приказ. «Поедим и выпьем, чтобы было с чем к червям в утробу». Даром, что ли, я умасливаю Домингеса всякий раз, как ты подаешь отчет о расходах?!

– Складно у вас вышло. Это галисийское присловье? Из вашего Бетансоса?

– Да почему мне знать? Я его только что сочинил.

Они уже подошли к веранде «Кафе де Пари». После 18 июля, когда Франция повела себя так гадко, а Муссолини проявил солидарность с делом национального возрождения, хозяева переименовали заведение в «Кафе Рома». Адмирал и Фалько уселись на плетеные стулья под полосатой маркизой. Адмирал поставил портфель на пол и жестом отклонил услуги приблизившегося было чистильщика обуви.

– Дело это в Танжере надо сделать так, чтобы комар носу не подточил. Слышишь? Николас Франко по-прежнему мечтает объединить все спецслужбы, и мы с тобой окажемся в полнейшей заднице, если новую структуру возглавит Керальт. Со своими методами.

– Да мы с вами ведь тоже не монашки.

– Не придуривайся, хорошо? И не сравнивай. На фоне мясника Керальта мы – настоящие рыцари. – Адмирал с сомнением оглядел Фалько. – Ладно, насчет тебя я загнул... А вот я – рыцарь. Ну, или был.

Появился официант в белой куртке, и адмирал сделал заказ – два бокала мансанильи из Санлукара. Похолоднее. Фалько следил глазами за красивой дамой в трауре, только что вышедшей из соседней аптеки. Твердо стучит каблучками, рассеянно подумал он, качает бедрами. А задница – из разряда тех, над которыми никогда не заходит солнце. Могучая и бескрайняя, как Испанская империя эпохи расцвета.

– Впрочем, на самом деле в нашей профессии рыцарей не бывает, – добавил адмирал.

Он задумчиво посасывал пустую трубку. Фалько незаметно рассматривал его. Человек, с которым он сидел за одним столиком, несколько лет назад едва не отправил его на тот свет – Фалько в ту пору промышлял контрабандой оружия и попал в поле зрения спецслужб, действовавших в Восточном Средиземноморье. Однажды утром в Стамбуле на оживленной улице, продвигаясь в толпе менял и оборванных русских эмигрантов, торговавших вразнос бумажными цветами, сластями и всякой дребеденью, он заметил за собой слежку, и это спасло его от гибели: при входе в красный и роскошный холл отеля «Пера Палас» турецкий наемник, который оказался не очень, как видно, большим мастером своего дела, попытался ткнуть его ножом в печень. С тех пор Фалько, не желая больше предоставлять врагу удобный случай, стал гораздо осмотрительней. Адмирал же был человек практический, беспристрастный ценитель профессионального мастерства. Так что после их первой, довольно напряженной беседы на террасе стамбульского ресторана «Таксим» – на столе была икра, рыба-меч и пиво – и второго, уже более непринужденного свидания в румынском порту Констанца, Фалько начал работать на юную испанскую Республику. Так же усердно, как теперь – на тех, кто с ней борется.

– В пять часов вечера на аэродроме в Табладе тебя будет ждать авиетка «Пусс Мос». Пилот – англичанин. Если все пройдет гладко, к вечеру будешь в Тетуане, в аэропорту Сания Рамель. А к утру – в Танжере... Ты все запомнил?

– Кажется, все.

– Плевать мне на то, что тебе кажется! Перечисли все, что знаешь точно.

Фалько вытащил портсигар и достал оттуда сигарету.

– Приеду в Танжер, не привлекая к себе внимания. Я – обычный, заурядный коммерсант. Войду в контакт с нашим агентом... – Фалько сунул сигарету в рот. – А, кстати, кто он?

– Наш человек? Каталонец, зовут Рексач. Хорошо устроен. Нормальный, я думаю...

– Доверять ему можно, я имею в виду?

– Как всем в нашем ремесле... Ну, дальше давай. Что будешь делать по прибытии?

– Свяжусь с нашим банкиром – его зовут Серуйа: он предоставит в мое распоряжение средства, отпущенные Ферриолем. С их помощью постараюсь подкупить капитана «Маунт-Касл». Не выйдет с ним – прощупаю его офицеров... – Он взглянул на адмирала, как смотрит отличник на учителя: – Правильно?

– Слушай внимательно, – адмирал воздел руку с трубкой. – На борту имеется политкомиссар. По фамилии Трехо. Опасный субъект. Коммунист, разумеется. Сволочь первостатейная. Представится удобный случай – в расход его.

Фалько, который, склонив голову, подносил огонек зажигалки к сигарете, улыбнулся равнодушно и жестоко. Шляпу он снял и положил на соседний стул, и солнце отблескивало на глянце его черных волос, посверкивало в серо-стальных глазах. В Группе Грязных Дел, как и во всей НИОС, «списать в расход» значило ликвидировать, так же как «выпотрошить» – подвергнуть пыткам. Ни то, ни другое не было ему неведомо и чуждо.

– Ладно, – сказал он, вольнее раскидываясь на стуле и с удовольствием выпуская дым. – Надо будет – спишу. А на подкрепление в случае чего я могу рассчитывать?

– Разумеется. В течение двадцати четырех часов с момента запроса. Доставят по воздуху.

– Мы не обговорили каналы связи.

– Я не хотел при Ферриоле. В Танжере есть английские, французские и наши телеграфно-телефонные станции. Но это не для тебя. Я пришлю тебе радиста из Тетуана. Все важное будешь передавать через это, – он показал на книгу, которую Фалько положил на стол. – Будем использовать как таблицу кодов.

Адмирал помолчал в задумчивости. Подали два бокала мансанильи и тарелку с двумя крокетами на закуску. Адмирал, спрятав трубку, взял один и откусил кусочек, но тотчас выплюнул, обжегшись:

– О, дьявол...

Он торопливо глотнул вина. Фалько хмыкнул сквозь зубы.

– Ничего смешного, – сказал адмирал.

Отпил еще, взглянул на улицу. Двое мавров-регуларес в тюрбанах и альпаргатах торговались с бродячим продавцом всякой галантереи. На том месте, где несколько месяцев назад, во время мятежа против Республики, погиб фалангист, стоял деревянный крест с висящими на перекладине четками и букетом сухих цветов у подножия.

– В ту же графу, может статься, – словно раздумывая вслух и чуть понизив голос, проговорил адмирал, – придется занести и капитана «Маунт-Касл», если он не согласится сотрудничать с нами.

Фалько взглянул на него поверх бокала:

– В самом деле?

– В самом, в самом. Даю тебе полную волю в этом отношении, но все же убедительная просьба – не заваливать город трупами.

– Понял. – Фалько сделал еще глоток. – Постараюсь обуздать себя.

– Ну, смотри. – Адмирал подул на крокет и предпринял вторую попытку с ним совладать. – И помни, что у города – международный статус, а в Международной комиссии, кроме Испании и прочих, состоят еще Франция, Великобритания и представитель султана Марокко... Дипломатические скандалы нам не нужны. У каудильо от них изжога.

– Учту.

– Учти. Потому что ты мухлюешь и передергиваешь, даже когда раскладываешь пасьянс.

И взглянул на Фалько с какой-то непривычной для себя серьезностью. Тот спросил, что случилось, и адмирал неопределенно повел рукой. Потом как-то странновато улыбнулся.

– В том мире, где мы с тобой живем – довольно суровом, надо признать, – не могу представить себе, кто бы еще мог совершать жестокости и низости так естественно, как ты. Ты превосходный актер, отъявленный жулик и опасный преступник... Кажется даже, что кровь скатывается с тебя, как с навощенной поверхности, следов не оставляя.

Он надолго замолчал, словно осмысливая только что сказанное, и добавил:

– Естественность такая, что вызывает даже симпатию.

В голосе его звучала нотка восхищения. И даже нежности.

– Живешь в свое удовольствие, – договорил адмирал. – И начисто лишен того, что было так ненавистно древним грекам, – колебаний и неуверенности.

Фалько с безразличным видом рассматривал свой бокал. Подобного рода размышления он оставлял адмиралу. Где-то он вычитал или, может быть, услышал от кого-то, что чрезмерно дотошный анализ изменяет или даже уничтожает его объект. Начнешь раздумывать, убивать или не убивать, умирать или жить дальше, – и в конце концов будешь пользоваться презервативами в общении с такими женщинами, как Брита Моура. А это и само по себе, и в смысле стиля жизни – совершенно непростительно. В глазах Фалько мир был устроен незамысловато – естественное равновесие адреналина, риска, провалов и побед. Долгая и возбуждающая схватка. Короткое приключение между двумя вечными ночами.

– Ты мне напоминаешь сына.

Шеф НИОС не впервые упоминал его. Фалько щелчком выбросил недокуренную сигарету. Прохожий – небритый, в истрепанном пиджаке, с мешком за плечами, с лиловатым кровоподтеком на скуле – наклонился и подобрал дымящийся окуроч. На мгновение они встретились глазами, и Фалько, почувствовав неловкость, первым отвел взгляд.

– А что еще известно о капитане «Маунт-Касл»?

– Зовут Фернандо Кирос, родом из Астурии. Опытный моряк. Я пошлю тебе подробную справку – все, чем мы располагаем и что удалось раздобыть о судне и команде. В самолете изучишь. Да... – Адмирал показал на книгу. – И это тоже почитай. Машина заберет тебя из отеля в четыре. Так что отправляйся, собирай вещички. Но сначала доешь этот крокет. Очень вкусно.

Фалько послушно взялся за еду. Человек, подобравший окурок, не сводил с него глаз, и Фалько сделал знак официанту. Он хотел послать нищему бокал вина и чего-нибудь поесть, но тот уже повернулся спиной и двинулся вниз по улице, удаляясь от оркестра, гремевшего маршем. Прежде чем забыть о нем, Фалько подумал, что так уходят те, кто унижен и побежден.

– Что-нибудь еще?

– Да, еще одно, – правый глаз сверкнул едва ли не злорадно. – Эта самая Неретва сейчас в Танжере. И... ты не поверишь – эта большевистская тварь находится на борту «Маунт-Касл».

3. Чай с пирожными

Он думал о ней, когда, возвращаясь в отель «Андалусия Палас», прошел мимо нескольких германских офицеров, разговаривавших в холле; думал, когда поднялся на лифте на второй этаж и, машинально оглядевшись по сторонам, бесшумно направился по ковровой дорожке к своему номеру.

«Мы с тобой в мире».

Так сказал он Еве при последнем свидании, и она ответила: «В мире».

Меня раньше никогда не обманывали, думал он рассеянно. Ни одна женщина, да еще так. Ева Неретва, она же Ева Ренхель, она же – черт знает кто еще. Она выказала бесспорное мастерство в той запутанной и рискованной игре, в которую играли оба. И истинно советское хладнокровие, граничащее с

бесчеловечностью.

На миг – и безо всякого усилия с его стороны, потому что картины эти часто возникали в памяти, – он увидел, как высветила ее лицо вспышка, когда она выстрелила в затылок фалангисту Хуану Портеле. И как в Картахене они, полуголые, стояли у окна, и площадь то и дело озарялась разрывами бомб, а небо над Арсеналом – трассами зенитного огня. И как в ту ночь, когда все покатилося к черту, Ева, припав на колени у ближайшей к морю дюны, стреляла из «люгера», с невозмутимым спокойствием прикрывая отход.

Он думал о ней и пока собирал вещи – туалетные принадлежности, плащ «бёрберри», шляпу-панаму, два костюма, шесть крахмальных сорочек и нижнее белье, три галстука, серебряные запонки, пару башмаков и пару спортивных туфель на резиновом ходу. Собрав наконец свой потрепанный чемодан «вюиттон», Фалько закурил и застыл в неподвижности, предаваясь воспоминаниям под бьющим из окна снопом света. И лишь через мгновение осознал, что пальцы, сжимающие сигарету, слегка подрагивают. И это вызвало у него сперва недовольство, а потом злобу – мягкую, спокойную, смутную.

Он тряхнул головой, погасил сигарету в пепельнице и выгреб из ящиков бюро предметы, составлявшие прочее его снаряжение, – две трубочки с кофе-аспирином (в одной пряталась ампулка с цианистым калием), жестяную коробку сигарет «Плейерс», 9-мм «браунинг FN», две обоймы к нему и глушитель, выменянный у сотрудника гестапо на кокаин, пачку патронов. Достаточно, чтобы покосить немало народу, как сказал бы адмирал. Орудия его труда. Завернутый в кусок материи, вычищенный и смазанный пистолет приятной тяжестью лег в руку. Взгляд Фалько в эту минуту стал жёсток, и уголок рта саркастически-жесточкой усмешкой вдруг пополз в сторону, словно его бескровно рассекли ножом. Четыре месяца назад в Саламанке из этого пистолета он, спасая жизнь Неретве, застрелил троих.

«Мы с тобой в мире», – повторил он.

Тут в дверь постучали, и мир вокруг вновь двинулся прежним курсом. Бой принес запечатанный конверт, где значилось имя Фалько. Тот сунул чаевые, закрыл дверь, вскрыл конверт, и серый свинец глаз вдруг смягчился и потеплел.

Сегодня буду в гостях у моей подруги Луизы Сангран на улице Рафаэля де Косара, 8. Может быть, после шести вы захотите выпить там чаю или кофе.

Письмо было без подписи, но Фалько не составило труда установить автора: синие чернила, явно женский почерк, уверенное, изящное и аккуратное начертание букв, выведенных на английский манер, без отрыва пера от бумаги. Такой каллиграфии учат в очень дорогих монастырских колледжах. Так что Ева Неретва вместе с прошлым и обозримым будущим, сосредоточенным в Танжере, на миг отступила назад, или в сторону, или вообще сошла со сцены – медленно заскользила прочь, как кораблик по течению. Фалько убедился, что Ческа Прието не сумела отказаться от клише – романы и фильмы портят даже умных женщин – и капнула духами на лист бумаги, прежде чем сложить его и спрятать в конверт. «Амок», судя по всему. «Безумие Востока».

От этой мысли он улыбнулся. Улыбка стала шире, когда он вспомнил, как утром встретил Ческу с мужем у входа в отель. Пепин Горгель в сияющих сапогах, фуражке с капитанскими звездочками на красном околыше. Вот же кретин! Холодный, надменный, злобный, постоянно опасаящийся подвоха и ожидающий угрозы. И не без оснований. Его можно понять: с такой красавицей в женах – адмирал уверял, что за ней числились две громкие связи, но Фалько в этом был не уверен – поневоле завертишь головой. Особенно если бо?льшую часть времени проводишь на фронте, спасая отчизну от безбожных орд, пока над Испанией занимается рассвет новой жизни... и прочая лирика.

Ход размышлений исторг из груди Фалько вздох, насмешливый и одновременно меланхолический. Теперь, когда муж под боком, приглашение становилось еще желанней. А сияющая Севилья, где так много подруг с квартирами и всякого другого полезного, подходит куда лучше, чем серая, узколобая, ханжески-постная Саламанка, где самому каудильо пришлось разместить свою штаб-квартиру в епископском дворце. Впрочем, к сожалению, сейчас в полном смысле слова – не до шуток. Через три часа, в шесть, он должен быть в самолете, который помчит его на север Африки. Как в танго: «Прощайте, милые друзья, когда ж увижусь с вами я?» Уже во второй раз ускользает у него эта женщина меж пальцев. Что за собачья жизнь...

Почти машинально, повинуясь профессиональной привычке, он зашел в туалет, вытащил из кармана зажигалку и сжег письмецо. Глядя, как пепел исчезает в унитазе, подумал, что на него с Ческой будто кривым глазом кто-то глянул. И

вспомнив следом про стеклянный глаз адмирала, сам расхохотался своей неудачной поговорке. Посмотрелся в зеркало, показав язык своему отражению. Как бы принимая все, что есть, а заодно – и все, чего нет. Как сказал кто-то – а кто, он не помнил, да и неважно, – то, чего не может быть, быть не может, и более того – невозможно.

Завершив сборы, Фалько спустился чего-нибудь поесть. Плохо лететь на пустой желудок, тем более над проливом. Время у него еще было, погода благоприятствовала, и потому он прогулялся до улицы Альбаредо, где помещался «Дом Вдовы». Под рекламным плакатом «Всегда и всюду требуйте напитки “Домек”» (он улыбнулся: Домеки приходились ему двоюродными братьями) и объявлением, оповещавшим о штрафах за нарушение новых политических правил: «За неотдание салюта знамени – 30 песет», почистил башмаки и съел хамона с сыром, тушеную куропатку, выпил два бокала красного вина и медленно побрел назад через мост, но сначала предъявил документы караульным.

Солдаты, вооруженные винтовками Маузера с примкнутыми штыками – и молоденькие новобранцы в пилотках с кисточками, и бородатые волонтеры-рекете в красных беретах и с распятиями на груди – вели себя вежливо. Все можно, сказали они, нельзя только входить в квартал Триана и выходить из него без специального разрешения военных властей. Фалько двинулся дальше, наслаждаясь погожим днем и великолепным видом на противоположный берег. Он насвистывал «Кумпарситу» и пребывал в хорошем настроении. Сегодня он будет ночевать в Тетуане, а утром будет уже в Танжере заниматься «Маунт-Касл» и золотом Республики.

Он подумал о Еве Неретве и тотчас почувствовал, что сердце забилось чаще – никак не обычные его шестьдесят ударов в минуту. Как всегда, близость действия будто впрыснула ему в жилы ощущение особой, напряженной и отрадной ясности. И нетерпеливого желания действовать. В мире происходят захватывающие события – и это он, Фалько, делает так, чтобы они происходили. Более того, сам становится частью этих событий. Он шел, заложив руки в карманы, сдвинув шляпу на затылок, с рассеянной улыбкой на губах, и ложившаяся от его башмаков тень напоминала силуэт волка. Волка спокойного, волка опасного, волка счастливого.

– Сеньор Фалько, вас ожидают в баре.

Он поблагодарил портье и зашагал по указанному адресу. Шел пятый час. За стеклянной стеной, окружавшей центральное патио, пили и гомонили иностранные журналисты, жалуюсь, что цензура дохнуть не дает и что не разрешают ездить на фронт. Он мельком отметил знакомые лица – Кардозо из «Дейли мейл» и англичанина по фамилии Филби. Тот помахал приветственно – они познакомились несколько месяцев назад в баре «Баск» в Сан-Хуан-де-Люс, – но Фалько проследовал дальше, не задерживаясь. В глубине за столиком беседовал с тремя штатскими адмирал. При виде Фалько он поднялся и пошел навстречу.

– Неприятность с твоей авиеткой. Двигатель вышел из строя.

– Что-нибудь серьезное?

– Да что-то там требует замены, а до завтра не подвезут.

– Это сильно осложнит мое задание?

– Нет, не думаю... Несколько часов роли не играют.

– А мне что делать?

– Ждать. Сидеть у себя в номере и ждать, когда за тобой придут.

Фалько, тотчас вспомнив о Ческе Прието, принялся подсчитывать и прикидывать «за» и «против». Неожиданная отсрочка открывала привлекательные перспективы.

– А выйти-то ненадолго можно?

Адмирал на несколько секунд уперся в него подозрительным взглядом. Потом слегка обмяк:

– Можно. Однако сторонись очень уж людных мест и будь в пределах досягаемости. По Аламеде не шлейся.

Фалько улыбнулся. Залитая, невзирая на войну, неоновым сиянием Аламеда, где на ста метрах размещались девять дансингов и казино, была в Севилье главным центром вечерних развлечений: там новая католическая Испания еще не до конца вытеснила старую.

Все было строго регламентировано: во «Флориду» ходили солдаты, в «Майпу» – унтер-офицеры, тогда как немцы из «Андалусия Палас», итальянцы из «Кристины», барчуки-фалангисты в голубых рубашках и с кобурами на боку, офицеры из частей рекете и регулярес пили шампанское и танцевали пасодобли и танго в «Эксельсиоре».

– Не беспокойтесь, господин адмирал. Аламеда – не мой выпас.

– Гора с плеч! – Адмирал взглянул на него с любопытством. – В Херес не собираешься, повидаться с родными? Полчаса на машине.

Фалько бесстрастно поправил узел галстука.

– Не входит в мои намерения.

– Ладно-ладно, я знаю, что это не мое дело... И все же – как давно ты не виделся с матерью?

– При всем моем к вам, господин адмирал... Не могу не согласиться с вами – это не ваше дело.

Адмирал довольно долго смотрел на него. Потом махнул рукой:

– Ты прав. – И передал ему конверт с документами. – Здесь все материалы по «Маунт-Касл» и пропуска на аэродром в Табладе. По дороге туда – три контрольных поста... Новый срок вылета – в семь ноль-ноль.

– Не опоздаю.

– Уж будь так добр.

Фалько уложил конверт во внутренний карман. Адмирал, оглядевшись, взял его под руку и отвел в пустой угол бара.

– Только что стало известно, – сказал он, понизив голос. – Республиканское правительство выторговало для «Маунт-Касл» еще пять суток. В течение этого времени, покуда дипломаты будут договариваться, он может стоять у причальной стенки.

– Под неусыпным надзором, вероятно?

– Ну разумеется. Под присмотром международной полиции. Пикантная подробность – мы тоже сумели добиться разрешения для «Мартина Альвареса». Так что они ошвартуются рядышком, в нескольких метрах друг от друга – наш миноносец и красный «купец»... Команды будут присматривать друг за другом, покуда грузополучатели, консулы и агенты решают их судьбу.

Замысел республиканцев, продолжал объяснять адмирал, состоит в том, чтобы заключить международное соглашение – сухогруз продолжает путь в качестве нейтрального судна и под защитой британского миноносца, отправленного к нему навстречу из Гибралтара, либо республиканских кораблей, которые поспеют к этому времени для эскорта. Дело тут в том еще, что красная эскадра не склонна рисковать, выходя из портов. На кораблях не хватает умелых офицеров, потому что большую часть их расстреляли – Фалько знал, что в их числе оказался в свое время и сын адмирала, – да и тем, кто остался, матросня не доверяет. На кораблях все решения принимаются на митингах, сходках и голосованиях, и доверить им судьбу золота, предназначенного русским, просто страшно.

– Если все же решатся отправить эскадру, мы можем выслать крейсер «Балеарес» – он неподалеку, в Сеуте. Мало не будет.

– Полагаете, они пойдут на такое в открытом море? – осведомился Фалько.

– Все возможно. А по правде говоря – понятия не имею. Затем тебя и посылаем, помимо прочего. Наш консул в Танжере и командир «Мартина Альвареса» предупреждены о твоём приезде.

Фалько беспокойно сдвинул брови:

– Подробно?

– Да нет, конечно. В общих чертах. Они знают тот минимум, который нужен, чтобы дать тебе работать.

– А кто руководит операцией? Главный морской штаб или мы?

– Мы. Потому ты будешь совершенно волен в своих действиях.

– А командир миноносца?

– Он получил инструкции, будет оказывать всяческое содействие... Но и ты меру знай. У каждого – свой круг обязанностей, своя компетенция... И своя гордость. Едва ли ему очень понравится появление чужака на мостике, однако приказ он исполнит. А ты уж, будь добр, не зарывайся. Постарайся с ним поладить. Ясно?

– Ясно.

Адмирал снова оглянулся по сторонам. Он явно сомневался, добавлять ли еще что-то, но наконец решился:

– Утром я сказал тебе, что операцию рвался провести Лисардо Керальт, но Николас Франко поручил ее нам... Помнишь?

– Разумеется, помню.

– Ну так вот – произошли изменения. Этот хряк добился, чтобы ему позволили отправить в Танжер своего наблюдателя.

– И что это значит?

– А то, что радист, который тебе выделен, не наш, а Керальта. Его агент.

– То есть они будут знать все, что я передаю?

– Да, в том и состоит их замысел, – адмирал развел руками, как бы расписываясь в своей бессилии. – Керальт предпочитает не вмешиваться в ход операции, но выговорил себе право быть в полном курсе дела. ... Ну, нечего так на меня смотреть! Я тоже человек подневольный!

– И кого же мне дадут в радисты?

– Парня из Тетуана.

Фалько скривил губы:

– Полицейского?

– Да. Но меня заверили, что он – лучший специалист во всей зоне.

Фалько некоторое время раздумывал над непредвиденными последствиями и наконец сказал:

– Мне это не нравится.

– Да и мне тоже, однако ничего не попишешь.

– И Томас Ферриоль не возражал?

– А он в наши дела вообще не лезет. Ему, как говорится, что чума, что холера.

Фалько, все больше мрачняя, стремительно перебирал варианты:

– А Керальт в самом деле может все порушить?

Адмирал пощипал кончик уса:

– Вряд ли. Каудильо очень нужно это золото, и Керальт не решится сделать так, чтобы мы его лишились. Напрямую, по крайней мере. Это не значит, что он не постарается нагадить нам, где только сможет. Насчет этого можешь быть спокоен.

– А что из себя представляет этот малый из Тетуана?

– Опять же понятия не имею. Вот он войдет с тобой в контакт – сам и увидишь.

Оба помолчали, глядя друг на друга, словно оставалось еще что-то невысказанное. Свет, преломляясь через стеклянную стену, падал так, что казалось, будто искусственный глаз адмирала слегка косит.

– Еще кое-что... – выговорил адмирал. – Насчет этой женщины... Евы Как-Ее-Там...

И замолчал, дожидаясь реакции Фалько. Но тот держал паузу и выдерживал взгляд собеседника так бесстрастно, словно следил за вращением рулетки или не знал, о ком, собственно говоря, речь.

– Она сошла на берег и принимает участие во всех этих игрищах вокруг «Маунт-Касл». Сняла номер в отеле «Мажестик»... Ты где остановишься?

– В «Континентале», как всегда. У самого порта.

Адмирал метнул быстрый взгляд на двоих мужчин, сидевших в креслах в глубине.

– Судя по всему, она в этой истории играет едва ли не первую скрипку. Павел Коваленко, резидент НКВД в Испании, посылал ее как свое доверенное лицо в Одессу, контролировать передачу золота... Как нам удалось выяснить, после Португалии она вернулась в республиканскую зону и теперь занимает важный пост в Управлении специальных операций. Известно, что принимала активное участие в поимке, допросах и ликвидации троцкистов. Иными словами – опасна по-прежнему.

Он опять помолчал, пытливо всматриваясь в лицо Фалько:

– Что ты мне скажешь на это?

– Ничего не скажу.

– А надо бы!

– Не вижу оснований.

– Ты отпустил на свободу исключительно подлую тварь.

– Никого я не отпускал.

Правый глаз адмирала сверкнул откровенной злостью:

– Я сейчас не склонен ни к шуткам, ни к забавам. Слышишь?

– Ну, слышу. Поневоле.

– ...господин адмирал.

– Господин адмирал.

Тот с меланхолическим вздохом в очередной раз оглянулся по сторонам и через минуту добавил:

– Совру, если скажу, что мне не любопытно. Отдал бы что угодно, лишь бы увидеть, как вы встретитесь нос к носу.

Он снова поднял глаза на Фалько, но тот был совершенно невозмутим. И бесстрастен. Стоял навтыжку, руки по швам. Адмирал язвительно хмыкнул.

– Будь осторожен. Ты, главное, помни – после той истории в Саламанке Керальт и вся его братия глаз с тебя не спускают. Трех покойников тебе не простят. Чуть зазеваешься – сожрут.

– А вы, господин адмирал?

Тот уже направился было к людям, ждавшим его в креслах, но остановился и взглянул на Фалько через плечо, почти не оборачиваясь:

– Я? Я тебя сдам, разумеется. Говорил уже и еще повторю. С душевной болью брошу тебя львам, не раздумывая. В этой игре я – слон, а ты – простая пешка. Таковы правила, и ты их знаешь.

Все происходило в соответствии со строгими нормами хорошего тона. Фалько вытащил ложечку из чашки с английским чаем, отхлебнул, закурил сигарету и спокойным взором окинул обеих женщин. Они сидели втроем в плетеных креслах под застекленной крышей севильского патио с выложенными плиткой стенами, вдоль которых стояли кадки с геранями и папоротниками. В Андалусии был час визитов. В три минуты седьмого свежевыбритый и безупречно элегантный Фалько поправил узел галстука, снял шляпу и, пригладив после этого волосы, позвонил у ажурной металлической калитки.

– Вы сказали, что завтра уезжаете? – спросила Луиза Сангран.

– Да. Дела.

– И наверно, связанные с этой ужасной войной?

– Разумеется.

Хозяйке было около сорока. Не красавица, не дурнушка, оценил ее Фалько, но изысканна и изящна. Хороший дом с ценными полотнами по стенам и множеством антикварных вещей. Муж Луизы был видный адвокат, крепко связанный с националистами. Отца, преуспевающего импресарио, расстреляли красные вскоре после начала мятежа. По этому поводу Луиза носила красивое платье из черного крепа, дымчатые чулки и туфли на высоких каблуках. Скромный макияж. Над сердцем была приколотая золотая брошь с миниатюрным портретом девятнадцатилетнего сына.

– Мой муж тоже постоянно в разъездах.

– Сочувствую вам, – сказал Фалько, уловив тайный смысл этой фразы. – Трудные времена.

– Мне совершенно не надо сочувствовать – напротив: так хорошо время от времени отдохнуть от мужа.

Все трое рассмеялись, и глаза Фалько встретились с зелеными глазами Чески Прието, смотревшими задумчиво и пристально. На ней был элегантный темный tailleur[4 - Костюм (фр.).] в сине-зеленую полоску, и юбка, плотно облекая бедра, подчеркивала все великолепие длинных стройных ног, сейчас закинутых одна на другую, и открывала их на ладонь ниже колена, то есть именно насколько нужно. Лихие каблуки и черные чулки. Ноги безупречные, совершенно идеальные ноги – к такому выводу пришел Фалько, коротко и незаметно скользнув по ним взглядом. Такие и должны быть у роскошной бабы.

– Еще чаю?

– Нет, благодарю вас.

Не было ни церемонных процедур знакомства, ни пространных объяснений. Добрый день... спасибо, что приняли приглашение... помилуйте, это честь для меня... Ческа говорит, что вы знаете много интересного о последних событиях... и что вы много путешествуете. Все шло своим естественным чередом – визит вежливости, близкие подруги, верно выбранное время, безупречное поведение людей из хорошего общества. Элегантный кабальеро и две дамы, подруги еще со школьной скамьи, желавшие разузнать за чашкой чая, что же происходит в Испании, раздираемой войной. Не придерешься.

– Так вы одноклассницы?

– Да. Учились в колледже Сердца Христова. Вышивание крестиком, дисциплина и «Месяц Марии»[5 - В католической церкви май традиционно посвящается Пречистой Деве: в ее честь служатся мессы, устраиваются шествия.]...

– Чудесно.

– А вы?

– Я учился в иезуитском колледже в Хересе. Пока меня не выгнали.

– Да неужели? – Луиза улыбнулась с явным интересом. – И вы так походя об этом говорите... Вас что – много откуда выгоняли?

– Да... Случалось.

– Почти отовсюду, – сказала Ческа.

Все трое опять рассмеялись. Время от времени Фалько перехватывал взгляды, которыми обменивались женщины, – особенные взгляды сообщниц, принадлежащих к воинству одного пола. Он недурен, этот твой знакомый. Понимаю, чем ты рискуешь, но на твоём месте я бы поступила так же. И прочая, и прочая. Впрочем, не так или не совсем так. Фалько достаточно знал женщин, чтобы ясно понимать – никогда Луиза Сангран не решилась бы на такое. Не её это был регистр, и тональность не её. Это именно что сообщничество – и то по случаю. Хотя и типично женское. Что-то вроде радиоспектаклей с бесконечными продолжениями. Возможность пожить чужими страстями и получить от них удовольствие. Приязнь, воспоминания детства и ранней юности, женская солидарность, старинные правила, выкованные столетиями горьких семейных разочарований и безмолвных печалей. Женщины неизменно становятся на сторону женщин – вековых заложниц воинов, жрецов и тиранов – и наслаждаются этим тайным возмездием миру мужчин. И восхищаются отвагой подруги, способной совершить то, на что сами они не решатся никогда.

Фалько не сомневался, что обе они долго ещё будут шептаться об этом в сокровенных беседах.

– Так вы родом из Хереса? Из тамошних Фалько?

– Более или менее.

– Я знавала некоего Альфонсо Фалько... Вам это имя ничего не говорит?

Медленная глубокая затяжка. Взгляд, рассеянно следящий за кольцами голубоватого дыма. Альфонсо – это его старший брат. По смерти отца он вел семейное дело – коньяк «Император», сухой херес «Дядюшка Маноло», сеть винных погребков и прочее. Он же заботился об овдовевшей матери. После мятежа, когда бежали или были расстреляны синдикалисты, превратившие налаженный бизнес в хаотическое народное предприятие, он вернул себе свою

собственность. Лоренсо больше десяти лет не виделся ни с кем из родных. Не виделся и не переписывался. Притча о блудном сыне – или брате – не универсальна: есть овцы, которые, раз отбившись от стада, никогда не возвращаются назад. И не всякий Каин сцепится с Авелем. Иной Каин просто соберет вещички и скажет: забирай, братец, стада-отары с полями-огородами, кушай на здоровье.

– Говорит. Но негромко.

– У Альфонсо две сестры – Лолита и Питуса. Жена у него – урожденная Гордон.

– Очень может быть.

– Он в самом деле вам не родня?

– Нет. – Фалько выиграл бы конкурс на самую искреннюю физиономию. – Совсем не родня.

– Он обманывает тебя, – сказала Ческа.

– Да что ты говоришь?

– Я тебе говорю – обманывает!

Еще минут десять текла приятная беседа о пустяках. Фалько смешил дам, рассказывая придуманные с ходу забавные истории – о моде и кино, о путешествиях, отелях, городах и весях и людях. В этом жанре он не знал себе равных. Время от времени, не прерывая рассказ, он взглядывал на Ческу попристальней, и та отводила глаза. Иногда он чувствовал ее взгляд на себе. Текучий изумруд глаз. Будто сошла с полотна Хулио Ромеро де Торреса, снова подумал он. Смугловатый оттенок шелковистой кожи напоминал, что какая-то прабабка-цыганка смешала свою кровь и поделила свою судьбу с художником, писавшим ее обнаженной. Нежданное воспоминание о муже в начищенных сапогах и с пистолетом на боку заставило Фалько внутренне усмехнуться. По лицу скользнула злорадно-шкодливая гримаса.

В этот миг Луиза Сангран взглянула на часы, которые носила на правом запястье, и сказала:

– Боже мой, я совсем забыла, что должна сейчас быть в церкви Спасителя. Мы с дамами собрали пожертвование в пользу сироток, надо отдать его настоятелю.

– В Саламанке я сказала тебе, что ты негодяй.

– А я ответил – да, что есть, то есть.

Придет день, и я умру, подумал Фалько, или состарюсь, и такого больше никогда не будет. А потому надо как можно крепче запечатлеть это в памяти, сберечь перед неизбежным пришествием дряхлости и распада. Сунув руки в карманы, не расстегнув и верхнюю пуговицу на пиджаке, зажав дымящийся окурок последней сигареты в углу рта, он стоял неподвижно и смотрел на Ческу. В спальне, где было полутемно от задернутых штор, она, не давая ему прикоснуться к себе, сама едва ли не с вызовом сбросила с себя одежду. И сейчас оставалась в одних туфлях на высоких каблуках: между черными чулками и поясом с уже отстегнутыми подвязками как-то беззащитно открывался кусочек тела. Торчали вперед небольшие вздернутые груди, плотные и тугие, как и все ее тело, будто подсвеченное в полумраке гипнотическим мерцанием зеленых глаз. И Фалько ощущал огромную, совершенно искреннюю жалость к тем миллионам мужчин, которым никогда не было и не будет дано насладиться близостью такой женщины.

– Оставайся на месте, – услышал он.

Фалько медленно приходил в себя. Не сразу, с трудом он вновь почувствовал собственное тело, вернул себе власть над ним. Он испытывал не возбуждение, а скорее выжидательное любопытство. Не вожделение, а восхищение. Ни одно зрелище в мире не может сравниться с этим, промелькнуло у него в голове. Нет ничего совершеннее. Великолепнее.

– Боюсь, что не смогу, – ответил он мягко.

И улыбнулся в спокойном сознании собственной силы. Женщина снова приказала не шевелиться, и тогда он, слегка тряхнув головой, погасил сигарету, растер ее подошвой о глазурованную плитку пола и сделал шаг вперед. Ческа, не отступив, хлестнула его по щеке. Бац. Ударила сильно – так, что голова его мотнулась в сторону. Сильно и больно – длинные ногти слегка оцарапали ему щеку. Когда Фалько вновь посмотрел на Ческу, изумруды ее глаз затуманились, а рот полуоткрылся, показывая почти фосфоресцирующие в темноте белейшие зубы. До него доносились ее глубокое размеренное дыхание и удары сердца. Они звучали совсем близко. Бум... бум... бум. Тогда он перехватил руку, занесенную для нового удара, и медленно развернул женщину так, что она оказалась лицом к застеленной, с неснятым покрывалом кровати, согнул, заставив упереться в него обеими руками.

– Сумасшедший.

Над черными чулками и поясом чередой волнисто-плавных изгибов простерлось шелковистое тепло ее бедер, талии, спины, шеи. Фалько так неспешно, словно в запасе у него была вечность, промял пальцами теплую цепочку позвонков и остановился у последнего. Потом уже на коленях, не раздеваясь, а только ослабив узел галстука, прильнул к нему губами.

– Любовь моя... – пробормотала она.

Фалько, не отрываясь от своего занятия, усмехнулся про себя. Он не ошибся. Женщины предусмотрительны и неизменно сперва влюбляются.

В начале одиннадцатого он, насвистывая, возвращался в отель. Перед этим слегка закусил, не присаживаясь, у стойки таверны, и теперь неторопливо шагал по улице. Вечер был холодный, от близкой реки тянуло сыростью, и он озяб. Пройдя собор и Алькасар, поднял воротник пиджака. Фалько устал и хотел спать. Чемодан был собран, и в обозримом будущем Фалько собирался принять горячую ванну и лечь спать, пока за ним не приехали и не повезли на аэродром.

Уличное освещение было скудно – боялись налетов республиканской авиации. Молодая луна висела еще так низко, что вокруг царила полутьма, а улица Рейес-Католикос и вовсе тонула во мраке. Фалько миновал кирпичный, отделанный изразцами портик отеля и направился ко входу, где единственная лампочка

освещала ступени крыльца. И в тот же миг хлопнула дверца почти невидимой в темноте машины, и два темных силуэта загородили ему дорогу. Луч фонаря ударил в лицо и ослепил.

– Лоренсо Фалько?

В первую минуту он ничего не ответил. Но насвистывать ему расхотелось. Он подобрался, напрягся, приготовился отбиваться, если обнаружатся враждебные намерения. Никак не успокаивало, что в темноте прозвучало его имя. Особенно в Севилье. Тот, кто держал фонарь, теперь осветил отогнутый лацкан своего пиджака. Под отворотом оказался полицейский значок.

– Что вам угодно?

– Придется проехать с нами. Уладить кое-какие формальности.

– Вы шутите?

– Нисколько.

Фалько показал на вход в отель:

– Я бы предпочел уладить формальности внутри. При свете. Видя ваши лица.

– Времени нет.

Тем временем второй зашел Фалько за спину и упер ствол пистолета ему в поясницу.

– Садитесь в машину.

– Вы не имеете права!

Второй рассмеялся. Первый погасил фонарь и повел Фалько к машине, подхватив его под руку. Крепко, но не грубо.

– Имеем, имеем, – приговаривал он убедительно.

Фалько перестал упираться. Что было делать? Судя по ощущению, ему тыкали в спину пистолетом изрядного калибра, способным в клочья разнести печень. 45-й, вероятней всего. Его усадили назад, слева, а человек с пистолетом устроился рядом, не опуская оружие. Второй сел за руль, включил зажигание.

– Сиди смирно, – сказал человек с пистолетом. – Чтоб не хлопнуть тебя ненароком.

Переход на «ты» ничего хорошего не сулил. Фалько снял шляпу и принялся незаметно нащупывать за лентой бритвенное лезвие, но сосед шляпу у него вырвал и швырнул ее на переднее сиденье, рядом с водителем.

– Замри.

Фалько медленно перевел дыхание, а соображать попытался поскорей. Логично было представить за полицейскими фигуру полковника Керальта. Он был не только шефом Гражданской Гвардии, но и главой полиции безопасности. Или тайной полиции, как ее чаще называли. В руках у него была власть почти абсолютная – такая же, какую по ту сторону фронта имела ЧК: слежка, допросы, избиения, пытки. Обычные методы. Разница лишь в том, что у республиканцев каждая партия, фракция, секция действует на свой страх и риск, никому не давая отчета, а у франкистов все централизовано и подчинено неумолимой военной дисциплине. Керальт – человек, а человек, как известно, это стиль, или, быть может, стиль непременно находит себе подходящего человека. Естественно, как сказал агент с пистолетом, случается кого-то и хлопнуть ненароком. И не одного. Без суда и следствия и бумажной волокиты. Так очищается возрожденная Испания.

– Куда вы меня везете?

– В участок.

– В какой?

Ответа не последовало. По словам адмирала, Керальт сейчас в Севилье и осведомлен об операции с «Маунт-Касл». Фалько продолжал размышлять. Маловероятно, что Керальт сорвет операцию – это значит вступить в открытое противостояние с НИОС и вызвать ярость Николаса Франко и самого каудильо; в конце концов, сто миллионов песет золотом – это серьезно. И все же Керальт коварен и жесток. Нельзя исключать такой комбинации с его стороны. Тем более что он не забыл историю с Евой Неретвой. И это сильнее всего тревожило Фалько. Четыре месяца назад, в Саламанке, чтобы освободить Еву и переправить ее через португальскую границу, он перебил людей Керальта. И тот поклялся, что рано или поздно спустит с него шкуру.

– В какой участок вы меня везете? – повторил Фалько. – Тут уже выселки какие-то.

– Пасть закрой.

Мелькавшие в свете фар домишки становились все меньше. Появились первые пустыри, и Фалько встревожился по-настоящему. Убьют, похоже, подумал он. Вывезли погулять, как у них принято выражаться.

– Много на себя берете, – сказал он. – Да вы знаете, с кем...

Ствол пистолета больно ткнул его под ребро.

– Заткнись, сказано.

Он повиновался. Попытался выстроить эмоции по ранжиру – от страха до упрямой уверенности в себе – и сделать так, чтобы она возобладала. Происходило бы дело не в машине, он бы скорее всего резко развернулся и попробовал выбить оружие. По принципу «была не была». Он владел такими штуками и сейчас горько жалел, что не применил свое умение у дверей отеля. Но здесь, в машине, когда ты втиснут в узкое пространство между дверцей и передним сиденьем, об этом нечего даже и думать. Чистое самоубийство.

– Сиди, не рыпайся, – сказал водитель. – Недолго осталось.

– Что «недолго»?

Второй снова издал неприятный смешок. Переехали мост и двинулись по автостраде на Херес, но уже довольно скоро свернули на грунтовую дорогу, петлявшую между зарослей тростника. Луна поднялась чуть выше и теперь, когда крыши больше не загораживали ее, лила млечное сияние на угрюмый пейзаж. Фалько прикидывал, сумеет ли распахнуть дверцу и выброситься из машины на всем ходу, но прикидки эти увели его не слишком далеко. Было ясно, что он может сломать себе руку или ногу и окажется таким образом беззащитным. Кроме того, ему под ребро по-прежнему упирался ствол пистолета. И не было возможности ни отпрянуть, ни нанести удар, потому что при малейшем движении будет спущен курок, и тогда – здравствуйте, ангелы небесные. Ну, или – бесы преисподней. Парень этот, по всему судя, дело свое знал. И ни на миг не отвлекался.

– Приехали, – сказал водитель.

Фалько поглядел на дорогу. В подрагивающем свете фар виднелись полуразрушенная стена, ветви олив, крыша с выщербленной черепицей. Зброшенный, полуразвалившийся дом. У стены стоял «бентли-спид-сикс» с погашенными фарами. Какой-то человек полусидел на капоте.

– Вылезай.

Затормозили, не глуша мотор. Водитель был уже снаружи и открывал дверцу. Фалько послушно выбрался из машины, чувствуя меж лопаток ствол.

– Будешь шалить – завалю.

Это напоминало бы реплику из гангстерского боевика, но зажатый в руке огромный американский кольт был явно не из реквизита. Все трое двинулись по освещенному фарами пустырю к человеку, ожидавшему возле «бентли». Двойной горизонтальный луч удлинял их тени, ложившиеся на каменистую неровную землю. Фалько споткнулся, на миг потерял равновесие и тотчас получил рукоятью пистолета по спине:

– Под ноги смотри, придурок.

Подойдя поближе, Фалько узнал того, кто стоял возле «бентли», и понял: все, что он воображал себе до этого, можно выбросить из головы. Действительность

превзошла все ожидания и перекрыла любую игру воображения. Этот человек был в штатском, одну руку он элегантно держал в кармане, а другую козырьком приставил ко лбу, защищая глаза от слепящих фар. Под тонкими выстриженными усиками змеилась улыбка жестокая и многообещающая. Фалько подумал, что так улыбался бы шакал – если бы шакалы улыбались, в чем он не был уверен, – оказавшись перед легкой и вожаденной добычей.

Это был капитан регулярес Пепин Горгель, граф де ла Мигалота. Супруг Чески Прието.

– Десятую заповедь помните?

– Смутно.

– Не пожелай жены ближнего своего.

– И?

– Ческа – моя жена.

Фалько пожал плечами с большим хладнокровием, но выглядело это не очень убедительно.

– А мне до этого какое дело?

Горгель смотрел на него с бесконечной ненавистью, кривя губы пренебрежительной усмешкой. Они стояли в конусе света, образованном фарами второго автомобиля.

– Знаете, почему пощечина так оскорбительна?

– Понятия не имею.

– Потому что в Средние века ее давали тем, кто не носил шлем... Мерзавцу, который не был рыцарем.

С этими словами он открытой ладонью хлестнул Фалько по лицу. Звук пощечины вышел сильным и резким. Фалько стиснул зубы, напрягся всем телом, чувствуя, как ствол пистолета крепче прижимается к спине.

– Я знаю, свинья, где ты был сегодня вечером.

Опять на «ты». Нехорошо. Сначала становятся рогоносцами, потом теряют манеры. Воспитанность улетучивается. Кажется, ночка выдалась не из самых удачных.

– Сегодня днем я не сделал ничего, что задело бы вашу честь.

– Ты сам себя перехитрил... Что ты делал в доме Луизы Сангран?

– Я давно знаком с ней, – сымпровизировал Фалько. – Мы друзья с ее мужем.

Горгель на миг растерялся и потерял уверенность. Потом мотнул головой:

– Врешь.

– Вовсе нет. Я был у нее в гостях.

– А что там делала моя жена?

– Она подруга Луизы.

– Сам знаю, что подруга. Я спрашиваю, что ты там делал?

– Чай с ними пил. Разговаривал... Рассказывал...

Вторая оплеуха, сильнее первой, перебила его. В левом ухе загудело, словно к нему поднесли камертон. Лицо горело.

– Ты меня за дурачка принимаешь? – брызгая слюной, вскричал Горгель. – За слабоумного?

– Это какая-то чушь... Вы, похоже, сошли с ума.

Горгель взглянул на своих приспешников, словно призывая их в свидетели, и занес руку для нового удара.

– Кто ты такой? Какого дьявола ты тут ошиваешься?

– Я уже ответил вам утром. У меня тут дела.

– Я сейчас устрою тебе дела, мерзавец! – Горгель, по-прежнему держа руку на весу, сжал кулак. – Я оторву тебе яйца и засуну в рот, как поступают мои мавры с красными.

– Да послушайте... Это недоразумение. Отпустите меня. Говорю же: я сто лет знаю Луизу и ее мужа...

– Ах вот как? И как же этого мужа зовут?

Фалько колебался лишь секунду:

– Сангран.

– Имя его как?

Фалько замялся, пытаясь выиграть время. Однако оно стремительно истекало. Выхода не было. На этот раз последовала не оплеуха – Горгель сделал знак своим людям. Тот, что был с пистолетом, ударил Фалько рукоятью в шею чуть ниже затылка. От пронзившей все тело боли перехватило дух, подкосились ноги. Он упал на колени, ударившись ими о крупную гальку, и не сдержал стон. Это, кажется, понравилось Горгелю.

– Ну-ка принесите касторки, – приказал он.

Один из его людей полез в «бентли» и стал шарить там. Второй по-прежнему держал Фалько под прицелом.

– Кости тебе переломаем, – посулил Горгель. – Будешь у нас гуттаперчевый мальчик. А потом что останется, на жидкое дерьмо изойдет.

– Умоляю вас, сжальтесь... – раболепно простонал Фалько.

Всем своим видом он выражал униженность и страх. Предел падения. И от этого на губах Горгеля заиграла довольная улыбка. Со смехом он подался вперед:

– Ну-ка повтори.

– Пощадите...

По-прежнему стоя на коленях, он потянулся обхватить сапоги Горгеля.

– Нет, вы посмотрите... – сказал тот, спесиво встопорщив ус. – Глазам своим не верю... Начисто лишен стыда...

– Я ни в чем не виноват, – продолжал умолять Фалько. – Клянусь вам – ничего не сделал. И в мыслях даже не было...

– Погань... Жалкая, трусливая мразь.

Горгель пнул его в грудь сапогом. Фалько ползал у его ног, хныча, молил о пощаде. Водитель вытащил из «бентли» бутылку с касторкой.

– Поднимите его и откройте ему рот.

Чтобы взять Фалько за шиворот, стоявшему сзади пришлось отвести пистолет и наклониться. Фалько в тот же миг ухватил облюбованный камень – большой, корявый, тяжелый – и, воспользовавшись тем, что его рывком вздернули вверх, пружинисто распрямился и с разворота ударил заднего в лицо. Хрустнули кости и зубы, тот выронил пистолет и опрокинулся навзничь, не успев даже вскрикнуть, а Фалько уже швырнул камень в голову второму. Все произошло очень стремительно. Водитель схватился за рассеченный лоб, выронил бутылку, и та разбилась у его ног. Фалько ударом кулака свалил ошеломленного Горгеля и сразу же обернулся к водителю, который показался ему более опасным противником – он, хоть и шатался и не отрывал руки от залитого маслом и

кровью лица, но устоял на ногах. Фалько ударил его ногой в пах, а когда тот с воим покотился наземь, для верности пнул вторично. На всякий случай. Предусмотрительность – добродетель и мать... чего она там мать? Мудрости, кажется.

– Сволочь... – процедил Горгель.

Отброшенный к заднему колесу «бентли», он силился подняться. Теперь уже Фалько рассмеялся сквозь зубы. Он начал получать удовольствие от всего этого.

– В этом можешь не сомневаться.

У него было в запасе еще примерно полминуты. Времени для отступления больше чем достаточно. Потирая ноющую руку, он оглядел место действия: в свете фар видны были те двое, что привезли его сюда, – один лежал неподвижно, лицом вверх, второй еще корчился от боли. Этого Фалько обшарил и обнаружил пистолет. Убедившись, что он на предохранителе и, значит, не выстрелит, Фалько несколько раз с силой ударил лежавшего рукоятью по голове, и когда тот затих, отбросил пистолет во тьму. Потом подобрал валявшийся на земле кольт второго и спокойно направился к Горгелю. Тот, еще оглушенный ударом, сумел все же подняться на ноги и запустил руку в задний карман. Фалько опередил его, вырвал оттуда маленький никелированный пистолет и тоже отшвырнул подальше. Потом, разжав Горгелю рот, всунул туда ствол. И заметил при этом, что бессмысленное выражение в его глазах сменилось страхом. Теперь, подумал Фалько со свирепой радостью, твой черед. Герой недоделанный.

– Слушай, кретин. Я видел твою жену три раза в жизни и ни разу пальцем до нее не дотронулся. Хотя был бы и не прочь. Да не сложилось. Понял?

Горгель смотрел на него не моргая, не отводя глаз. Фалько заметил, что левая сторона его лица отекала. Из открытого и заткнутого стволом рта бежала слюна и вырывался утробный хрип. Зубы лязгали о вороненую сталь. Граф де ла Мигалота сейчас был не так элегантен, как в капитанском мундире или в непринужденной позе у крыла «бентли» с бутылкой касторки в руке. Он был растрепан, перепачкан землей, узел галстука съехал куда-то под ухо. Фалько придвинулся вплотную и проговорил тихо, словно по секрету:

– Не попадайся мне больше на дороге. А попадешься – убью. А когда твоя жена овдовеет, я ее с большим удовольствием... И ее, и мамашу твою, и сестер, если есть. А сперва обоссу твое надгробье.

С этими словами он вытащил ствол у него изо рта. Намереваясь на этом со всем и покончить, однако Горгель рассудил иначе. В конце концов, он, ветеран Харамы, был совсем не трус, а ярость придала ему сил. В следующую минуту он кинулся на противника – или только хотел кинуться, ибо Фалько был настороже и ждал этого. С холодным любопытством естествоиспытателя. Интересно же – особенно если меж лопаток не уткнут ствол – наблюдать все это: реакцию мужей, ревность, задетую честь и всякое такое прочее. Это интересно. Это познавательно.

Первый удар стволом пистолета пришелся в висок. Когда Горгель упал, Фалько три раза, спокойно и размеренно, пнул его в голову, и тот наконец перестал шевелиться. Кровь текла у него из носа и из уха, полуоткрытые глаза остекленели.

– Клоун, – процедил Фалько.

И ударил еще раз – чтобы уж точно не осталось ни одного целого зуба. Потом наклонился к лежащему узнать, дышит ли он. Дышит. И это хорошо, подумал Фалько. Дыши. Хотелось бы посмотреть, в каком виде будешь ты ходить по Севилье, прежде чем вернуться на фронт. Когда сможешь вернуться, разумеется. С рожей, расписанной, как географическая карта. И послушать, что скажут твои друзья. И твоя благоверная, когда увидит тебя.

Он подхватил Горгеля под мышки и оттащил подальше от машины. Развязал и сдернул у него с шеи галстук и с ним в руке вернулся к «бентли», отвинтил крышку бензобака, сунул туда галстук, оставив конец снаружи, и поджег.

Потом сел за руль второго автомобиля и, прежде чем развернуться и тронуться в обратный путь, в Севилью, бросил прощальный взгляд на три неподвижных тела.

Последнее, что отразилось в зеркале заднего вида, был запыхавшийся как факел «бентли». И удалявшееся красноватое свечение накрыло лицо Фалько, словно маской, сквозь прорези которой смотрели серые жесткие глаза.

Голова болит, мрачно отметил он. И рука. Хотелось только поскорее добраться до отеля, обложить руку льдом, а потом принять горячую ванну и выпить коньяку с двумя таблетками кофе-аспирина.

4. Белый город

Фалько, сидя на балконе своего номера в отеле «Континенталь», созерцал панораму танжерского порта. Внизу ветер-левантинец развеивал бурнусы мужчин, трепал подола женских одеяний. Покачивались кроны пальм, а за ними и за зданием таможни, за бетонно-каменной громадой волнореза на темно-синей глади, тянувшейся до серой линии испанского побережья, посверкивали белизной пенные барашки. Стоявшие в бухте корабли, натягивая якорные цепи, смотрели носом к ветру.

– Еще дня два задувать будет.

Эти слова с заметным каталанским выговором произнес стоявший за спиной Фалько тучный мужчина. По имени Антон Рексач, по легенде – торговый агент. Весил он, должно быть, не меньше ста килограммов. Носил белый костюм – очень измятый и несвежий. Казалось, что его светлые волосы приклеены к черепу и что таких студенистых, белесо-голубоватых глаз у людей не бывает. Он как-то по-особенному двигал руками, как будто они помогали ему сохранять равновесие при ходьбе, а правильней было бы сказать – при перемещении в пространстве. Рядом на стуле лежала его выдавшая виды соломенная шляпа.

– Нашей затее это, полагаю, никак не помешает, – отозвался Фалько.

– Совершенно не помешает. «Маунт-Касл» и «Мартин Альварес» ошвартованы у причала, команды сошли на берег. – Рексач подошел к железным перилам, протянул Фалько маленький театральный бинокль и показал в сторону порта: – Вон они, полюбуйтесь.

Фалько взглянул через окуляры. У республиканского сухогруза корпус и надстройка были темные, а очень высокая труба – черная, без герба. Чуть поодаль, на краю причала, у последних кнехтов зловещим часовым застыл

франкистский миноносец. Стальной пес сторожил свою жертву.

– Наряд международной полиции глаз не спускает с судна, – продолжал Рексач. – Близко не подпускает никого, кроме членов экипажа.

– На берегу столкновений не было?

– Нет, насколько я знаю. Время от времени матросы оказываются в одних барах, кабаре и кафе. Разумеется, братания не происходит. Поглядывают враждебно, могут отпустить какую-нибудь шпильку... Не более того. Могут, конечно, помянуть чью-нибудь мать. Это в порядке вещей. Но им даны строгие инструкции, а те и другие – ребята дисциплинированные. Понимают, что к чему, и стараются вести себя прилично.

Фалько вернул ему бинокль.

– Общая ситуация никак не изменилась за это время?

– Никак. У нас и у них тут имеется по консулу. Республиканский беспрерывно хлопочет, наш – блокирует все его усилия. Все застыло в мертвой точке. Самое большее, чего нам удалось добиться, – им сейчас не разрешают грузить уголь.

– И что произойдет, если все останется по-прежнему?

– По истечении срока «Маунт-Касл» должен будет выйти в море, иначе его интернируют. А если выйдет – наш миноносец перехватит. В обоих случаях мы остаемся в выигрыше. Теоретически.

– От чего же зависит окончательное решение?

– От Контрольной комиссии. Международный статус Танжера гарантируют консулы Испании, Франции, Италии, Англии и другие. Комиссия следит за налоговым режимом, за юстицией и за полицией... От местных – губернатор, или по-здешнему – мендуб, представляющий султана Марокко, и во всем слушающийся своего французского советника.

– Больно уж мудрёно все... Кто тут решает?

– Франция и Англия, разумеется. Еще Италия, выступающая как наш союзник. Французы имеют большое влияние на международную жандармерию. В настоящее время официально они поддерживают красных, вкачавших сюда большие деньги... Это я к тому, что враждебности со стороны властей ожидать не стоит, но даром ничего не получите.

– А если платить, то в песетах?

Рексач взглянул на него предостерегающе. Поскреб скверно выбритые брылы, закрывавшие узел галстука.

– У вас их что – много?

– Мало.

– Тогда забудьте о них. Здесь сейчас объясняются франками. Из-за войны песетами этими – только подтереться.

– Ну, а как там наши? Я хочу сказать – «те, что на нашей стороне»?

При слове «сторона» Рексач, словно охваченный законным недоумением, вздернул бровь. И оглядел Фалько с оценивающим любопытством. Явно пытаясь понять, куда его отнести – к фанатикам или к наемникам. Вероятно, к окончательному выводу он не пришел и, скрывая замешательство, с чрезмерной медлительностью потащил из нагрудного кармана гаванскую сигару.

– Мы крепнем все больше и больше, – наконец выговорил он. – Мы с каждым днем обретаем все больше влияния, хоть по-прежнему официально не существуем. Церковь, конечно, за нас: епископу Танжера осталось только спеть «Лицом к солнцу»[6 - «Лицом к солнцу» (Cara al sol, 1935) – франкистский гимн Хуана Тельера на стихи, написанные в основном вождем Фаланги Хосе Антонио Примо де Риверой.]. И денег мы вкладываем меньше, чем красные, но зато прицельней и, стало быть, эффективней.

Не затрудняя себя приличиями, он отгрыз кончик сигары и выплюнул его через перила. Испанская колония, добавил он через минуту, расколота. Из шестидесяти тысяч жителей Танжера половина – европейцы, а из них –

четырнадцать тысяч испанцев. К ним еще прибавились сейчас беженцы из Сеуты и Испанского Марокко. Испанцы облюбовали себе квартал Соко-Чико и ходят там в два кафе: сторонники Франко – в кафе «Сентраль», республиканцы – к «Фуэнтесу».

– Серьезных конфликтов пока не случилось. Все это знают, и сейчас кое-как научились уживаться друг с другом. Кроме того, в изобилии шпионов, перебежчиков, доносчиков, торговцев оружием и наркотиками. Люди, пришедшие извне, и люди, купленные внутри. – Он снова окинул Фалько испытующим взглядом. – И это уже другой мир.

– Наш.

– Именно. Там шпионят даже чистильщики ботинок и шлюхи.

Они многозначительно переглянулись. Затем Рексач, по-прежнему покачивая руками, словно для баланса, отодвинулся в глубину номера, где не было ветра, чиркнул спичкой и раскурил сигару. Несколько секунд вдумчиво посасывал ее, оценивая вкус.

Фалько глядел туда, где между кронами пальм стояли у пирса два корабля.

– Испанской почте доверять не стоит, – посоветовал Рексач. – Ее служащие верны Республике. Пользуйтесь лучше французской или английской... – Он словно припоминал что-то. – Под каким именем предпочитаете работать здесь?

– Под тем, какое записано в книге регистрации этого отеля и значится у меня в паспорте, – Педро Рамос.

– Ладно.

Фалько не сводил глаз с двух кораблей.

– Что из себя представляет командир нашего миноносца? Мне бы надо с ним поговорить.

– На борту?

– Да нет, лучше на берегу. Незачем привлекать к себе внимание.

Рексач, устроившись в углу, выпустил облачко дыма.

– Фамилия – Навиа, звание – капитан второго ранга, производит впечатление человека понимающего, хотя тут вот какая примечательная штука: с тех пор как пришвартовались здесь, с «Маунт-Касл» не дезертировал ни один человек. А с нашего миноносца исчезли трое – двое палубных матросов и кочегар. Тем не менее Навиа не запрещает команде увольнения на берег. Такой вот своеобразный господин.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гонсало Кейпо де Льяно (1875–1951) – испанский генерал, один из организаторов и руководителей восстания 1936 г. – Здесь и далее прим. переводчика.

2

В оригинале – «Mi mamá me mima» (исп.), «Мамочка меня нежит», фраза, с которой в Испании начинают обучение письму, аналог «Мама мыла раму».

3

Сайнета – одноактное драматическое произведение с малым числом персонажей, как правило, «легкого жанра», который можно определить как «музыкальный скетч». Карлос Арничес (1863–1943) был признанным мастером этого жанра.

4

Костюм (фр.).

5

В католической церкви май традиционно посвящается Пречистой Деве: в ее честь служатся мессы, устраиваются шествия.

6

«Лицом к солнцу» (Cara al sol, 1935) – франкистский гимн Хуана Тельериа на стихи, написанные в основном вождем Фаланги Хосе Антонио Примо де Риверой.

Купить: <https://telnovel.com/ru/arturo-peres-reverte/eva>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)